

# и Солнце взойдет Возрождение



18+

Варвара Оськина

Солнце

Варвара Оськина

**И солнце взойдет. Возрождение**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Оськина В.**

И солнце взойдет. Возрождение / В. Оськина — «Издательство АСТ», 2023 — (Солнце)

ISBN 978-5-17-156792-7

Рене влюблена и почти уверена, что это взаимно. Казалось бы, вот оно, счастье! Однако что-то её беспокоит. Быть может, зима в Монреале в этот раз слишком снежная. Или дело в мечте, которую придётся навсегда позабыть. А может, во всём виноваты кошмары. Те самые, в которых она видит зелёные стены незнакомого больничного коридора и... Тони, совершенно не похожего на того человека, которого она полюбила.

УДК 821.161-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156792-7

© Оськина В., 2023  
© Издательство АСТ, 2023

# Содержание

Часть 2	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# Варвара Оськина

## И солнце взойдет. Возрождение

Иллюстрация на обложке и в блоке *Дарьи Алымовой*



Copyright © Варвара Оськина, 2023  
© Алымова Д., иллюстрация на обложку  
© Алымова Д, иллюстрации в блок  
© ООО «Издательство АСТ», 2023

## Часть 2

### Она

#### Глава 1



За мутным, запотевшим окном проносились пятна деревьев, размытые городки и акварельные кляксы редких машин. Близилось Рождество, и в вагоне было людно. Теплое дыхание пассажиров скапливалось конденсатом на холодном стекле. Оно собиралось маленькими каплями, которые то и дело стекали вниз, образуя на герметичной резине рамы внушительную лужу. Рене отвернулась. Поезд ритмично покачивало, когда под колёса попадались расшатанные рельсы. Бездумно следить за бесцветным пейзажем оказалось настолько же тошно, как разглядывать сидящего напротив мужчину, ребёнка слева от него или женщину в забавной шапке. В их глазах, да и просто повсюду царило радостное оживление. Конечно, ведь завтра Сочельник! Вот только Рене не находила в себе сил улыбнуться доносящейся откуда-то сзади забавной истории. Над ней хохотал почти весь вагон, а она... она никак не могла оставить позади Монреаль, парковку и странное ощущение холода.

Рене зябко поёжилась и поплотнее запахнула зимнюю куртку. Наверное, во всём виновата усталость. Она скопилась грязным сугробом и теперь таяла от вынужденного трёхчасового безделья, пока поезд мчался в предрождественскую столицу Квебека. Конечно, если не спать несколько суток, то будет не только холодно, но и удивительно паскудно на душе. Снова повернув голову к окну, Рене уставилась на мелькавшие за ним невнятные белые пятна. Она боялась закрыть глаза, хотя под ровный стук нестерпимо клонило в сон. Не выдержав, Рене на секунду сдалась, но мозгу хватило и этого...

*Снег падал медленно и очень красиво. Толстыми белыми хлопьями ложился на капот спящей машины, пока Рене судорожно ловила осколки неумолимо разваливающегося мира.*

*Рука ещё помнила тепло чужой ладони, ещё оставались влажными от поцелуев губы, а сердце восторженно пело, ни о чём не догадываясь. Как выяснилось, падать удивительно больно. Слишком высок был полёт и слишком крут обрыв. Выросшие за три месяца крылья треснули и, не выдержав, обломались. Унести такую ношу им оказалось уже не по силам.*

– Рене, поехали. Уже поздно.

*Голос Энтони отозвался радостным перезвоном в груди, где в следующий миг рассыпался потухшими искрами. словно бенгальский огонь – ярко, красочно, но в конце лишь обгоревший остов. Именно так чувствовала себя Рене, когда сумела разлепить деревянные губы и негромко проговорить:*

– Как тебе осень в Квебеке?

*Она сама не знала, зачем спросила. Чтобы Ланг понял? Или чтобы окончательно убедить себя? Но Тони непонимающе нахмурился.*

– Что? Садись. По дороге поговорим.

*Но Рене не шелохнулась. Зато до боли стиснула кулаки и слегка опустила голову, опасаясь, что Энтони заметит, как у неё дрожат губы.*

– Этот август в Квебеке выдался удивительно солнечным. – На последнем слове голос дрогнул, и дальше она зашептала: – Впрочем, тебе и так это известно. Верно? Ты же был там в один из дней.

– О чём ты?

*Теперь уже раздражённый Энтони хлопнул дверцей машины и бросил взгляд на светившуюся в темноте больницу. Наверняка он подумал, будто Рене бредит или окончательно свихнулась от безумного графика. Однако стоило ему шагнуть вперёд, как она отступила.*

– Да что происходит?

*В нём клокотала досада на неуместные сейчас игры в шарады, но Энтони терпеливо ждал ответа. Только вот когда по заснеженной парковке разнёсся тоненький голосок, он покачал головой и улыбнулся так горько, что Рене захотелось себя придушить.*

– Гром. Почувствуй гром... помнишь?

*Пауза. А потом выдох:*

– Да.

*Значит, он знал. И не просто слышал, кто такая Рене Роше, а видел лично в тот злополучный день. Последний осколок надежды обознаться вонзился в недоумённо дрогнувшее сердце. Оно пока не понимало, но совсем скоро ему предстояло утонуть под лавиной отчаяния, которая уже накрыла разум.*

– Как долго ты планировал меня обманывать? Сколько времени отвёл, прежде чем добить?

– Я не собирался делать тебе больно...

– Нет? – перебила она и рассмеялась. – Нет... конечно же, нет. Ты просто сам одна сплошная боль.

– Рене, послушай. Ты меня не узнала. Ни когда стояла со своим дурацким цветком, ни на следующий день. И я подумал, что говорить нет смысла. А потом стало поздно и не нашлось повода.

– Неужели? – Рене стиснула рукава куртки. – Три месяца. Три месяца, Тони, я выжила в твоей ненависти, дорожила внезапной дружбой и пыталась поверить в удивительное счастье. И за всё это время не выдалось и минутки, чтобы поговорить? Просто сказать: «Я видел, как ты оперируешь. Мне не понравилось»? Но нет. Вместо этого ты сознательно унижал меня, зная, что я ничего не смогу тебе доказать. Почему?

*На последнем слове она всхлипнула и отвернулась. Рене не понимала эмоции, которые испытывала. Подавленность, обиду, отдающее горечью разочарование? Да. Совершенно неоспоримо. А ещё тоску, любовь и сожаление. Жаль, что их история получилась именно*

такой. Вряд ли в том была вина одного Энтони, просто обстоятельства сложились немного неправильно.

– Рене, что меняет этот факт? Да, я присутствовал в Квебеке на твоей операции. Видел, как ты работаешь, но ничего не сказал тебе после. А зачем? Мой отказ Хэмилтону, когда я не захотел с тобой возиться, уже ни на что не влиял. Мне тебя всучили, словно сиротку, так к чему ворошить прошлое? Оно закончилось.

Энтони замолчал, а Рене вдруг отчётливо осознала, что никогда не сможет ему объяснить. Их эмоции, отношение к смерти были диаметрально противоположны, и потому совсем непостижимы для разума друг друга. А значит, он не сможет понять её, тогда как она вряд ли смирится с ним.

– Вскрытие показало, что сердце остановилось сразу после твоего ухода. Пока ты громко хлопал дверьми и укатывал прочь на своей колеснице, у профессора случился кардиогенный шок. – Рене переплела озябшие пальцы и отвернулась. – Не буду скрывать, мне известно о вашей ссоре. Но я тебя не виню. Просто так случилось. Однако все эти месяцы меня разрывало от непонимания: в чём я ошиблась на операции, если заслужила устойчивую репутацию бездарности, и почему твоё мнение было настолько важным для него.

Позади послышались шаги и лёгкий скрип свежего снега. Звук замер за спиной, а потом по парковке разнеслись слова, в которых не чувствовалось сомнений или вранья. Лишь спокойная констатация.

– Ты ни в чём не ошиблась. – Тяжёлые руки легли на плечи, и Рене прикрыла глаза. Но едва не рассмеялась от горечи, когда последовало продолжение: – Я видел, как ты оперируешь. Это было превосходно.

– Что же, этого стоило ждать три месяца, – наконец выдохнула она. – Кто знает, может, ещё через столько же я отыщу ответ и на второй вопрос.

Руки на плечах едва заметно дрогнули, но Энтони ничего не ответил. Разумеется, личные обиды двух хирургов совсем не её ума дело, однако профессор Хэмилтон значил для Рене невероятно больше, чем просто наставник. Глупый! Глупый Тони! Ну к чему эта гордость? Что произошло между ним и профессором? Рене поёжилась от того, насколько эта дурацкая ситуация напоминала известную ей историю. И вот теперь стало уже два таланта, которым чем-то не угодил старый профессор-добряк. Рене мягко высвободилась из объятий Энтони.

– Извини. Думаю, покатаемся как-нибудь в другой раз. – И честно призналась: – Не уверена, что смогу сесть в эту машину. Слишком свежи воспоминания.

– Ты говоришь так, будто я лично переехал на ней Хэмилтона. Причём дважды! – рыкнул Тони.

Обернувшись, она бросила быстрый взгляд на действительно ни в чём не повинное жестяное страшилище и скованно улыбнулась.

– Просто у меня много лет не было никого ближе него.

Энтони вдруг как-то напряжённо замер, словно сомневался в её словах, а потом вовсе нахмурился и отступил. Рене же, колебавшись мгновение, на прощание коснулась его тёплой руки и зашагала в сторону автобусной остановки. Её никто не стал догонять. Да и зачем? Пока разговаривать было не о чем.





Застеклённый каркас остановки встретил наваленными по углам сугробами и скамейкой, до которой долетала редкая снежная крошка. Рене смахнула ее рукавом и тяжело опустилась на ледяной пластик. Разумеется, общественный транспорт уже не ходил, но здесь можно было укрыться от падающего стеной снега и вызвать такси. Поёжившись от зябкой сырости, которая налетала с каждым порывом ветра, Рене поглубже закуталась в толстую куртку.

«Ну и что теперь делать?»

Прикрыв глаза, она сначала упёрлась спиной в холодную стенку, а потом вовсе с ногами забралась на сиденье. Удивительно, но в душе царил покой. Пока тело потряхивало от пережитых эмоций, холода и усталости, а голова попросту отказывалась думать, сердце билось ровно и уверенно. Оно словно не обратило внимания на свалившиеся откровения, продолжив и дальше разносить по венам влюбленность. Хотя обида осталась. Сидела занозой под ногтем, так что придётся подождать и изрядно помучиться, прежде чем она наконец исчезнет из жизни. Оставался вопрос: будет ли ждать вместе с ней Тони? От мысли, что ему ни к чёрту не нужна обиженная девчонка, с которой придётся возиться, в душе поселилась тоска.

Рене спрятала нос в высоком вороте и зажмурилась. Ей хотелось бы плюнуть на всё, легко оставить в прошлом Чарльза Хэмилтона и Викторию, чтобы с головой нырнуть в то, что, кажется, грозило перерасти в отношения. Однако она не могла. Иначе предала бы память, выбранные однажды цели и собственную натуру, которая не терпела подобной несправедливости и обмана, даже если выяснилось, что это всего лишь недосказанность. Что страшнее: ложь в глаза или умалчивание за спиной? Господи! Слишком сложно, чтобы решать это во втором часу ночи после почти трёх суток без сна. Рене вновь содрогнулась. Пора было выбираться отсюда и ехать домой, но тело слишком окоченело. Попытка высунуть из манжета правую руку обернулась резким ознобом, от которого застучали зубы. Чёрт, не заболеть бы перед самыми слушаниями!

Неожиданно тишину нарушила знакомая поступь. Даже снег под ботинками Ланга скрипел как-то иначе, чем у других. Но поднять голову Рене не рискнула. Её отчаянно кололо, и она старалась сохранить хотя бы какие-то крохи тепла, сжимаясь в ещё более тугий комок. Неожиданно скрежет сменился стуком подошвы о твёрдый асфальт, и поблизости кто-то замер. Рене услышала шорох одежды, когда рядом опустился на корточки Энтони, прежде чем осторожно коснулся затянутой в тонкие джинсы лодыжки.

– Пойдём, – произнес он. – Ты очень устала. Давай я отвезу тебя домой, а завтра мы обо всём поговорим.

Рене лишь кивнула, поскольку уже, наверное, вся улица слышала дробный перестук её зубов. А в следующий момент плотный кокон, который она являла собой, неожиданно взмыл в воздух. Причём прямо так – со скрещенными ногами и опутавшими их руками, что прятались в натянутых манжетах жёлтого свитера. Вновь захрустел снег, Энтони перехватил поудобнее не самую лёгкую ношу и уверенно зашагал обратно в сторону пустой парковки. Когда он без труда сбегал по ступеням, Рене склонила голову и уткнулась носом в прохладную обнажённую шею. Тоже ведь заболит, глупый!

– Ты замёрз, – пробормотала она и втянула аромат мяты, который вынудил что-то внутри сжаться.

– Мне почти не бывает холодно.

– Самый настоящий упырь, – фыркнула Рене и опять задрожала, отчего её прижали теснее. Скорее интуитивно, чем в попытке согреть. Какое уж тут тепло, когда Тони сам походил на саскачеванский сугроб. Прерывисто втянув воздух, она вдруг пробормотала: – Зачем ты со мной так?

*Ответ пришёл, когда они уже приблизились к урчащей машине. Ловко извернувшись, Тони открыл дверь и осторожно опустил Рене на сиденье. Пристегнув ремень безопасности, он заглянул в щурящиеся от яркой подсветки салона глаза и коротко вздохнул.*

*– Так было нужно.*

*– Но кому?*

*– Мне.*

Поезд в очередной раз тряхнуло, и Рене испуганно распахнула глаза. Атмосфера в вагоне неумовимо изменилась, и не только потому, что на одной из станций его покинула часть пассажиров. Вдалеке уже виднелся Квебек. Люди потихоньку складывали вещи, доставали с полок свёрнутую тяжёлую одежду, чтобы при первой возможности вырваться из душного вагона навстречу друзьям или родным. Рене же никто не ждал. Энн, у которой она договорилась остановиться, предстояла смена до самого вечера, а больше здесь никого не было. Боже, а ведь если немного подумать, то всё могло сложиться иначе. Совершенно по-другому. На секунду Рене даже поразились, насколько разошлись линии вероятностей из-за выбора лишь одного человека. Сейчас её мог бы встречать профессор, чтобы устроить свои обычные рождественские чаепития вприкуску с новостями науки из Старого Света. В его крохотном кабинете обязательно собрались бы ученики прошлых лет – все, кто сумел приехать. Может быть, даже Колин Энгтан.

Вагон качнулся на стрелке, отчего Рене слегка стукнулась головой о стекло, в которое упиралась, и опять нервно оттянула манжеты руками. Она ничего не понимала, хотя после всех потрясений именно эта новость показалась немного плоской. Пожалуй, даже логичной. Ведь если так посмотреть, всё выглядело очевидным с начала. Не хватало лишь одного значения, чтобы решить не самое сложное уравнение, однако Рене его прозвала. Кто знает, намеренно не заметила или не захотела даже предположить, что такое возможно.

*Молча выйдя из машины, Рене взбежала по шатким ступеням и тихо, но быстро прикрыла за собой дверь. Наверняка Тони хотел что-то сказать. Видя, как потянулась его рука к стиснутым от нескончаемой дрожи коленям, Рене всё же торопливо ступила на подтаявший снег и бросилась прочь. Да, назови она это как-то иначе, чем бегством, нагло солгала бы. Потому что стоило ей оказаться в квартире, закрыла все три замка, прямо на пол скинула куртку и перепачканные грязным снегом ботинки, а потом влетела в комнату, закрыв за собой ещё одну дверь. По пути она случайно зацепилась за свесившийся с дивана плед, тут же запуталась в его длине, споткнулась и рухнула на один из стульев, где и затихла. Рене медленно натянула на плечи колючую ткань, накинула на голову и... спряталась. Завернулась так, словно собиралась прожить в этом убежище не меньше, чем до весны. Из маленького зеркала на столе выглянуло бледное отражение с запавшими глазами и всклокоченными волосами, а голову сдавило знакомой болью. Рене осторожно потянулась в карман за таблетками.*

*«Ну что, дорогая, допрыгалась? Лишь бы не образовалось новых гематом».*

Несколько пилюль судорожно отправились в рот, и Рене проглотила их, даже не удосужившись запить водой. Для этого пришлось бы встать, но она так боялась лишний раз пошевелиться, что пряталась под колючим пледом и нервно прислушивалась к шорохам сонного дома.

Утро наступило внезапно. За ночь дважды начиналась метель, и Рене неотрывно следила, как в свете единственного уличного фонаря снег налипал на мутное стекло, пока сон не победил уставший разум. Теперь же в голове плавала ленивая мигрень, скрюченные конечности окончательно затекли, а лоб болел от твёрдой столешницы. И всё равно шевелиться отчаянно не хотелось. Радио включилось несколько минут назад и теперь вместе с OneRepublic

уверенно намекало, что кое-кому слишком поздно извиняться. Рене едва слышно фыркнула. В последние месяцы в пластикового приятеля будто вселился один из пророков.

Рене сонно заворчала. Дрожь давно унялась, но слабость по-прежнему была сногшибательной. К тому же в горле мерзко першило, а ещё ломило суставы. Хотелось лечь и проспать сутки кряду, да только вот в полдень предстояло явиться на центральный вокзал, а потом трястись в переполненном поезде. Так что следовало встряхнуться и собрать, наконец, вещи, но вместо этого Рене машинально переплетала косички. Одну и вторую. Несмотря на усталость, пряди идеально ложились под ловкими пальцами, как будто она вязала академический узел.

Закончив, Рене на негнущихся ногах сползла с насеста, наскоро умыла в ванной лицо и почистила зубы, а потом подхватила брошенную куртку и вышла за дверь. Вернуться домой она уже не успеет, но у Энн наверняка найдётся пара лишних кофт. Ей же самой срочно требовалось кое с кем встретиться. И это будет не Энтони, мать его, Ланг! Потому что есть ещё один человек, который мог рассказать кое-что интересное. Прояснить детали, которые этой ночью так и не сошлись в голове и теперь казались настолько абсурдным, что становилось непонятно, как она не заметила сразу. Ведь стоило лишь хорошенько подумать.

«Слишком поздно для оправданий, поздно...»<sup>1</sup>

Когда Рене влетела в двери центрального входа, уже рассвело. Ворвавшись с засыпанной снегом парковки в переполненный холл, она резко закашлялась и остановилась. После морозного воздуха горло противно драло, а нос окончательно перестал дышать. Пришлось открыть рот, отчего опять свело больную гортань. Кажется, она всё-таки заболела. Вот ведь раззява. Рене снова откашлялась в локоть и быстро зашагала вперёд, прокладывая себе тропку между первыми посетителями. Хотелось успеть поговорить до начала рабочей суматохи, и потому она торопилась.

В больницу тем временем пришло Рождество. Повсюду висели праздничные растяжки, с потолка спускались маленькие Санты, а шарики, мишура и искусственный снег облепляли каждый миллиметр длинной информационной стойки. Всё вокруг пестрело, переливалось огнями и радужными отблесками. Узнать кого-то среди этого великолепия можно было, только если прицельно разглядывать лица, которые кутались в шарфы и высокие вороты курток. Так что, похоже, Энтони действительно ждал. Рене не знала, успел ли он навеститься к ней домой или обладал даром предвидения, но определённо был настроен решительно. А потому она даже не успела понять, откуда Ланг вообще появился, когда её схватили под локоть и потащили в уголок к одной из наряженных ёлок. Там оказалось настолько пусто и тихо, что она отчётливо расслышала промелькнувшее в голосе недовольство.

– Ну и куда ты опять помчалась? Я думал, мы вместе поедem в Квебек.

Сегодня Тони был гладко выбрит, на удивление даже причёсан и одет в шерстяное пальто (разумеется, чёрное). Под распахнутыми лапами виднелись столь же траурные рубашка и джинсы. Честное слово, доктор Ланг словно решил поглотить все краски мира. От него пахло морозной свежестью и чем-то ещё, незнакомым и неродным, отчего Рене невольно напряглась. Однако в этот момент он осторожно провёл кончиком большого пальца по её скуле, длинно выдохнул и потянулся к растрепавшимся волосам. Метро не оставило ни единого шанса некогда аккуратной причёске.

– Ты не спала.

Рене не стала спорить. Знала наверняка, что выглядит ужасно, а Энтони не привык к такой запущенности, но не нашла в себе сил на смущение или стыд.

---

<sup>1</sup> OneRepublic – Apologize.

– Мне надо было подумать. Знаешь, я вдруг поняла, как странно выглядит со стороны моё назначение в эту больницу. Так неожиданно. Удивительное совпадение.

– Да, действительно, – немного напряжённо отозвался Тони, но Рене не дослушала. Она витала в своих мыслях и хотела выговориться, чтобы окончательно убедить себя.

– Или, наоборот, чей-то хорошо продуманный план. Скажи... ты знаком с Колином Энгтаном?

Энтони на мгновение перестал накручивать на палец одну из белокурых прядей, что выбились из косы, а потом коротко ответил:

– Нет. Мы не знакомы.

– Странно. Мне казалось, вы должны были встречаться, ведь это вместо него в тот день приехал именно ты.

– Я не знаю, кто это, – едва ли не по слогам произнёс Энтони, и Рене удивлённо вскинула голову. Да быть не может! Попросту нереально.

– Сын доктора Энгтан и племянник профессора. Как ты можешь не знать, если... – Она оборвала фразу на полуслове, а потом сделала осторожный шаг назад. – Что ты от меня скрываешь, Тони? В тот день произошло что-то ещё?

– Нет. – Теперь было совершенно очевидно, насколько Лангу не нравился разговор. – Пойдём, выпьем кофе. Кстати, где твои вещи?

– Тони?

Она отступила, а Ланг поджал губы от досады.

– Не надо, – наконец сказал Энтони. – Не лезь в это.

– Но почему?

– Потому что Хэмилтон был эгоистичным ублюдком, которого здесь предпочитают не вспоминать! – неожиданно взорвался Ланг, и она испуганно вздрогнула. Рене не знала, что поразило сильнее: слова или эмоции. А Тони тем временем взлохматил волосы и постарался успокоиться. – Рене, оставь в покое своё и чужое прошлое. Если оно всплывёт на поверхность, не принесёт никому добра. Пожалуйста... прощу! Пойдём, возьмём кофе и поедем в этот чёртов Квебек.

– Почему ты так его ненавидишь? – прошептала Рене. – Что он тебе сделал?

– Тебя это не касается.

– Разве? – Она вскинула брови. – Боюсь, всё как раз наоборот. И мне очень нужно выяснить, что здесь происходит.

С этими словами Рене резко развернулась, отчего на пол полетело несколько сбитых ёлочных игрушек, и устремилась в сторону лестницы.

– Рене! Хватит страдать ерундой!

В спину прилетел сердитый окрик, но вопреки всему она не обернулась. Вместо этого взлетела на третий этаж и побежала к кабинету Энгтан. Когда Рене резко толкнула стеклянные створки, её уже не волновали приличия. Она так разогналась, что замерла лишь возле большого стола под взглядом главного врача. В этот момент второй раз хлопнули двери, и можно было не сомневаться, чьи шаги замерли у Рене за спиной.

– Мисс Роше?

Очевидно, доктор Энгтан недавно пришла, но в её карих глазах даже не мелькнуло удивление, когда в кабинет явился Ланг. Уже успели переговорить? Надо же, как интересно. Рене почувствовала, как внутри защекотало дурацкое ощущение, будто её обманули. Она понятия не имела, отчего так решила, но шрам никогда не врал. И прямо сейчас он разгорался огненной проволокой. Сцепив руки, Рене приблизилась ещё на один шаг, но прежде чем открыла рот, позади неожиданно раздался напряжённый голос Энтони:

– Лучшие не спрашивай, если боишься разочароваться в ответе.

Рене хмыкнула. Видит бог, она не из пугливых.

– Где я могу найти Колина Энгтана? Мне очень нужно с ним поговорить.

В кабинете вдруг стало удивительно тихо. Настолько, что Рене услышала, как в главном холле заиграла рождественская мелодия. Она отмерила такт, второй... десятый. Перри Комо был очень хорош.

«Чудный миг, когда два сердца слышат друг друга,  
Чудный миг и воспоминания, что мы оба храним...»<sup>2</sup>

Доктор Энгтан пошевелилась и медленно опустила на стол документ, который до этого держала в руке. Усевшись в кресло, она сложила перед собой руки и вежливо поинтересовалась:

– Могу я узнать, с чем связано ваше любопытство, мисс Роше?

– С тем, что факты немного не сходятся.

– Какие именно?

Энгтан проявляла чрезмерное равнодушие, отчего ирам вспыхнул с новой силой. Рене дёрнулась, что не укрылось от Энтони.

– Пожалуйста, не делай этого, – услышала она шёпот.

Мисс Роше обладала массой пороков, но самым главным, однозначно, считалось неуёмное своеобразие в отношении правды. Любой. Рене ненавидела ложь, а потому нервно переплела пальцы.

«Никогда не забыть мне этот миг и поцелуй ...»

– Незадолго до смерти профессор Хэмилтон собирался отправить меня на практику в травматологию. К своему племяннику, – начала она и услышала за спиной тихое, но злое фырканье. – Он долго к этому готовился, даже устроил показательную операцию. Только вот Колин Энгтан туда не явился, зато приехал доктор Ланг. Вы ведь знаете об этом?

– Да.

– Как и об отказе взять меня.

– Да. Но по-прежнему не вижу проблемы. Говорите, чем вы недовольны, или уходите, мисс Роше. У меня достаточно работы...

«И как обнимали друг друга, пытаясь согреться...»

– Я не должна была оказаться здесь. Квебек – огромная провинция. По всем законам статистики вероятность попасть в отделение доктора Ланга с самим доктором Лангом в качестве наставника ничтожно мала, что наводит на мысли о помощи извне. Или же магии. – Рене нервно усмехнулась. Она часто дышала, будто пробежала этап марафона, а сердце тяжело бухало где-то в груди. И, наверное, его стук слышали все находившиеся в кабинете. Но облизнув пересохшие губы, Рене наконец задала самый важный для себя вопрос: – Скажите, это ведь Колин Энгтан убедил вас взять меня? Он решил исполнить последнюю волю профессора и...

Рене едва не заорала от неожиданности, когда в локоть с силой впились чьи-то пальцы. Стоявший за спиной Энтони незаметно очутился совсем рядом, а потом вдруг дёрнул к себе, вынудив отступить. Испуганно заморгав, Рене попыталась что-то сказать, но ей не дали. Пальцы ещё сильнее сжали завопившие от такого обращения мышцы, и она охнула от боли. Брошенный на Энтони полный обиды взгляд остался незамеченным.

---

<sup>2</sup> Берт Бакарак, Хэл Дэвид – Magic Moments.

– На этой восхитительной ноте мы, пожалуй, закончим. Все довольны, все счастливы, *vive la famille!* – процедил он.

«Чудный миг...»

– Нет! – возмутилась Рене, но в тот же миг Энтони резко развернулся и потащил её к двери. Абсолютно бесцеремонно! Почти что грубо. Ошалев от неожиданности, она попыталась вырваться, но хватка оказалась слишком крепка. – Подожди же! Какое ты имеешь право...

Её перебил резкий женский смех. Он зазвенел металлическими побрякушками на столе, хрустальными лепестками не в меру вычурной люстры, а потом заметался истеричным шариком по чересчур светлому кабинету.

– Погоди-погоди, – с неестественным весельем произнесла Лиллиан Энгтан, и их дерущийся клубок замер. Остановился так резко, что Рене налетела на спину Тони, больно стукнувшись носом о мужскую лопатку. – Это даже интересно.

– Да что, чёрт возьми, здесь происходит? – не выдержала Рене и всё-таки сумела вырваться из тисков Энтони. А он так и застыл, взявшись за дверную ручку.

Тем временем доктор Энгтан обошла стол и уселась на его край, с любопытством разглядывая всклокоченную Рене. Та повернулась к ней лицом, и стоило их глазам встретиться, как шрам едва не взорвало дикой болью. Это было очень необычно. Никогда прежде он не давал о себе знать настолько ярко, а потому Рене зашипела и схватилась за лицо. Видимо, именно это вывело Энтони из своеобразного ступора. Он резко обернулся и дёрнулся в её сторону, но замер, когда Лиллиан Энгтан заговорила.

– Она всегда сама непосредственность? Какая прелесть. Надо же, неужели Чарльз не наврал.

– Тебя не касается. Мы уходим. – Тони снова схватил ошарашенную подобной фамильярностью Рене и потянул на себя, но она не сдвинулась с места.

– Значит, ты ей не сказал, – тем временем довольно протянула Энгтан.

– Не смей!

– Не сказал чего?! – Рене сделала шаг и вдруг почувствовала, с какой неохотой отпустил её Тони.

Он не желал обсуждать эту тему. Прямо сейчас Ланг отчаянно стремился уйти сам и увести её за собой как можно дальше отсюда, потому что... и здесь Рене споткнулась. Она вдруг увидела себя его глазами. Как стояла с упрямо поднятой головой. Как смотрела в ожидании хотя бы крошки правды. Как надежда на её лице постепенно сменялась недоумением, а потом отчаянием. И тогда пришло ощущение, что чужое сердце затопила самая настоящая жалость. По отношению к ней. Рене недоумённо оглянулась, но Энтони лишь прикрыл глаза. Что же, она сама этого хотела.

– Ты ошиблась, милая, – с нарочитой мягкостью обратилась к ней доктор Энгтан. – Но теперь, узнав, что этот прохвост так ничего и не рассказал, я понимаю, почему ты пришла к таким выводам.

– Что это значит?

– Что Колину Энгтану плевать на тебя. Он такая же блудливая тварюжка, как и его отец. И его обиды на Чарльза с лихвой хватят на тебя, на меня и на себя самого. Рене Роше была нужна только мне. С самого первого дня, как ты появилась у Чарльза, я мечтала заполучить себе такой же образец. Но увы, маленьких гениев не штампуют, точно куколок на заводе пластмасс, а мой брат слишком хорошо учился на ошибках. Однажды потеряв Колина, лицемерная погань сделал всё, чтобы этого не случилось снова. Однако жизнь решила по-своему.

Лиллиан Энгтан демонстративно развела руки, и на пальцах блеснула пара тяжёлых колец. А Рене вдруг показалось, что она тонет – захлёбывается прозвучавшими словами, словно водой, без шанса вздохнуть.

«Блудливая тварюжка? Лицемерная погань? Что?!»

– Вы... вы подговорили мистера Филдса?

Похоже, Рене пошатнулась, поскольку Тони немедленно подхватил её за талию. Осознание, что её мечту принесли в жертву во имя какой-то мифической выгоды, пока не добралось до бастующего мозга, но тело уже предавало. Господи! Значит, дедушка был прав. И её... просто использовали? Рене прикрыла глаза. Всё это пока не укладывалось в голове, но мысль Лиллиан Энгтан была предельно ясна.

– Да. Я получила лакомый кусочек, а он – меньше головной боли с твоим распределением. – Главный врач больницы равнодушно пожала плечами, а во рту Рене вдруг стало кисло.

– Но как же... Колин Энгтан оплатил мои тесты. Я видела документ и не ошибаюсь! – Рене пробовала на зуб последний кусочек надежды. Однако и тот оказался несъедобным, когда она услышала шёпот:

– Господи, ну почему тебе надо заткнуть своей правдой каждый угол этой клоаки?

Лицо доктора Энгтан на мгновение удивлённо вытянулось, после чего она понимающе ухмыльнулась.

– Неужели? Какой необычный для него пример филантропии. – Лиллиан чуть насмешливо покосилась в сторону Энтони. А тот лишь сильнее стиснул пальцы на жёлтом свитере.

– Не надо. Прошу тебя, – процедил он. Но доктор Энгтан пожала плечами и невинно произнесла:

– Ты спрашивала меня, где Колин Энгтан. Всё ещё хочешь услышать ответ?

– Да, – шепнула Рене, а доктор Энгтан медленно улыбнулся.

– У тебя за спиной.

Рене не знала, зачем медленно повернула голову и уставилась в золотые глаза. До неё упорно не доходил смысл сказанного, пока побледневшие губы Энтони не разомкнулись и не прошипели совсем неуместное:

– Сука!

«Чудный миг,  
Пронизан любовью!»

Ну а Рене зачем-то скрупулёзно оглядела каждый угол светлого кабинета в поисках затаявшегося там человека, но никого не нашла. Разумеется. Только молча смотревшего на неё Энтони, а это значит... значит... Рене показалось, что раздавшийся в голове щелчок слышали все, настолько громко встал на место кусочек пазла. Две половины прочно соединились в единую деталь.

Колин Энгтан и Энтони К. Ланг.

Одни и те же буквы. Простейшая анаграмма. Рене давно следовало догадаться, что Колин, мать его, Энгтан все эти месяцы притворялся Энтони К. Лангом. Или же Энтони К. Ланг сейчас корчил из себя Энгтана? К чёрту. Она не знала. Она вообще не понимала, что происходит и почему. Но в следующий миг грубо сбросила по-прежнему нежно обнимающую руку и зашагала прочь из кабинета.

Хотелось бежать. Хотя бы на время прекратить существование, потому что нахлынувшие стыд и обиду не осталось сил выносить. Рене чувствовала, как горят щёки, напоминающая сейчас огни рождественской гирлянды. За спиной хлопнула дверь, и раздались торопливые шаги.

– Подожди!



Рене не могла разобрать, чего в голосе Энтони больше: приказа, досады или хорошо спрятанного страха. Ланг был напуган, но в собственном гневе она никак не могла понять отчего. И это злило ещё больше. Господи, ну насколько же восхитительный обман! А ведь давно стоило догадаться, достаточно лишь подумать и сопоставить столь очевидные факты. Впрочем, такими они выглядели лишь сейчас.

– Отвали! – отмахнулась Рене, когда её попытались схватить за руку.

– Да послушай меня... – начал Тони, но в этот момент она резко остановилась и обернулась.

– Ты знал? Знал, почему я здесь оказалась?

– Догадывался, – весьма лаконично признался Энтони, но Рене не оценила подобной честности. Уже нет. Коротко рассмеявшись, она покачала головой.

– И ничего не сказал. Ничего! Меня выставили душой, использовали...

– Как и меня, не находишь? – с внезапным раздражением перебил Тони. Или теперь называть его Колин? – Но я предупреждал! Прямо говорил, что тебе здесь не место. На мой взгляд, это был взаимовыгодный обмен.

– Взаимовыгодный?! Обмен предполагает, что ты дашь мне хоть что-нибудь! Любую крошку! Но ведь ничего не дал, Тони... Колин. Господи! Одно враньё! На протяжении трёх месяцев ты каждый день обманывал меня, а сейчас вообще выставил полной душой. И хочешь, чтобы я тебя слушала? Благодарю, но лжи мне теперь хватит надолго. Боюсь, как бы не стошнило от такого переедания!

– Я не обманывал тебя, – упрямо процедил Тони.

– Нет? – Она шагнула к нему и задрала голову, чтобы, прищурившись, посмотреть в глаза. – Я так не думаю, мистер Энгтан.

На фамилии чужого человека язык абсурдно споткнулся, но отныне это её новый мир.

– Это всего лишь глупое имя. Оно ничего не меняет! И ничего не значит...

– Оно значит честность перед собой и другими, – отрезала Рене. – Ты ведь поэтому меня ненавидел, да? А вовсе не из-за того, что какая-то недоучка свалилась тебе на голову. Просто я стала напоминанием твоей упрямой обиды на профессора!

– Нет.

– Опять врешь!

– Хорошо, – не выдержал Энтони. – Да, ты стала напоминанием! Только не обиды, а факта, что Хэмилтон трусливое дерьмо. Ведь гораздо проще вычеркнуть из жизни одну сломанную игрушку и заменить её новой, чем постоянно любоваться на результат своих ошибок! Не спорю, я виноват, что срывался на тебе. Но твоё слепое обожание этого человека бесит. Ты возносишь его едва ли не до небес, хотя даже не знаешь, что произошло!

Замолчав, он в бешенстве пнул торчавший из-под очередной ёлки муляж подарка, а Рене отступила и покачала головой. Боже! Это так смешно и одновременно жестоко по отношению к ним обоим, но Энтони не понимал, насколько ошибался. Да и с чего бы? Похоже, он настолько захлебнулся собственной желчью, что уже не откачать. Рене медленно выдохнула и обняла себя за плечи. Её снова была зябкая дрожь.

– Я знаю, – произнесла она, и Энтони порывисто оглянулся. Он настороженно посмотрел ей в глаза, а потом попробовал приблизиться, но Рене немедленно отступила. – Я знаю, что произошло, и мне жаль. Наверное, это забавно, быть может, каплю наивно, но я так много всего хотела рассказать Колину Энгтану, столько с ним поделиться. Мечтала найти его, объяснить и попытаться понять самой. Только вот я с ним, увы, незнакома.

– Рене...

Она отрицательно покачала головой на промелькнувшую в голосе Энтони осторожную просьбу. Хватит.

– Прости, но с Энтони Лангом мне говорить не о чем.

Рене потёрла лицо и резко застегнула куртку, прищипав кожу на подбородке. Чёрт. Этот год заканчивался удивительно плохо, и даже со своим всегда неизменным оптимизмом она не находила ни одной причины для радости. Осталась только усталость, чей яд расплзался по телу и раковой клеткой пожирал организм изнутри. Вместо Рене в любимый Квебек возвращалась пустая, вялая оболочка.

Наконец за тёмным запотевшим окном замелькали знакомые яркие домики, полосы гирлянд и лента фонарей автострады, которая вновь шла вдоль путей. Наверное, где-то там сейчас ехал Энтони. А может, он уже давно расположился в гостинице, если сумел найти свободный номер в самом рождественском месте Канады. Рене понятия не имела. Да, в общем, и не желала знать. Сбежав после совершенно постыдного разговора, она до самого отъезда пряталась в отделении Роузи. Там не было болтливых пациентов, любопытных взглядов или раздражающих шепотков за спиной, только тишина и уютное сопение.

Поезд тряхнуло в последний раз, и он замер. На улице давно стемнело, а потому, когда Рене выбралась из вагона, то невольно зажмурилась от ярких огней украшенной к празднику платформы. Отовсюду слышались радостные голоса, кто-то смеялся, а в спину уже толкали новые пассажиры, которые стремились поскорее попасть на свежий воздух. Рене потуже замотала на шее колючий шарф, сунула руки в карманы и уверенно зашагала в сторону кирпичного здания вокзала. Она как раз разглядывала шпили его полукруглых башенок, когда кто-то схватил её под локоть и уверенно засеменил рядом.

– Поговаривают, в этом году рождественский рынок на площади особенно хорош. – Нос Энн был очаровательного розового цвета. – Ледяные скульптуры с подсветкой, горячий глинтвейн. Страждущих посмотреть на настоящее Рождество, конечно, приехало слишком много, но нам будет чем заняться даже в толкучке. Уверена, Монреаль и вполтину не так хорош. Видела тут по новостям вашу главную ёлку – космический ужас!

– Привет. – Рене улыбнулась подруге. – Я думала, ты на работе.

Энн знакомо фыркнула и бросила укоризненный взгляд на попытавшегося влезть в разговор слегка пьяного юношу. Тот соорудил обиженную гримасу, но спорить с лучшей операционной сестрой рисковали немногие.

– Поменялась сменами ради тебя. Так что сегодня гуляем! – Энн наконец повернулась и тут же резко остановилась. Невольный вздох вырвался облачком лёгкого пара, а Рене отвела глаза. – Святой Иоанн... Дьявол! Во имя доктора Стрэнджа! Что они с тобой сделали?

Подруга подняла руку, чтобы коснуться шрама, но тактично одёрнула себя и покачала головой. Значит, всё и правда дерьмово. Рене стиснула зубы и повела плечами. Хорошо ещё, губы успели зажить, а то своим жутким видом распугала бы всех туристов на Пти-Шамплейн.

– Рене, у тебя всё в порядке? – Энн осторожно переплела их пальцы и несильно сжала, но потом вдруг оглянулась. – А... где твои вещи?

– Прости, я в этот раз без подарков. – Улыбка наверняка вышла не самой счастливой, но на большее после бессонных ночей и перевернувших всю жизнь разговоров она была неспособна. – И давай, наверное, без прогулок. Кажется, я заболела.

– Разумеется, Вишенка, – немного встревоженно пробормотала Энн, и они молча направились к автобусной остановке.

Рене честно старалась хотя бы на время выбросить из головы личные неурядицы и весь вечер отчаянно искала темы для обсуждения с подругой. Они болтали о чём-то отвлечённом, вроде теории разведения оленей для Санты или уместности клюквы на крыше имбирного домика. Но лёжа ночью в кровати, Рене прислушивалась к доносившимся с улицы крикам развесёлой толпы и бесконечно прокручивала в голове фразу Фюрста. Он произнёс её с грустным смешком, когда заглянул в отделение к неонатологам и бросил на двух подруг быстрый взгляд. Алан, конечно, был уже в курсе маскарада.

– Ты придаёшь этому слишком большое значение, – негромко проговорил он, наливая чашку несладкого чая. – Не спорю, ты чувствуешь себя обманутой, преданной. Но о некоторых поступках не отчитываются даже пред исповедником. Согласись, три месяца – малый срок для такого доверия.

– А вы ведь тоже знали, кто он такой, – вдруг усмехнулась Рене. – Даже чуть не проболтались однажды.

– Знал, – не стал отпираться доктор Фюрст.

– Так вот, я бы тоже хотела знать, что за цветок мне достался, прежде чем исколоть иголки все руки, – немного жёстче, чем следовало, заявила Рене, а потом услышала вздох.

– А смысл? Что значит имя, Рене? Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет.

В тишине спальни она опять хмыкнула.

«Роза... скорее уж кактус. Из тех сортов, что вырастают выше домов и чьи колючки похожи на ветви».

Рене перевернулась на бок и закрыла глаза. Спать хотелось невероятно, но сон не шёл. А ближе к полуночи у неё поднялась температура.

## Глава 2



На слушания по делу Рэмтони Трембле собирались с тревогой и в полном молчании. То количество жаропонижающего, которое Энн умудрилась тайком расфасовать по карманам витавшей в грозовых облаках подружки, пожалуй, могло составить конкуренцию небольшой аптечной стойке. Рене готовили едва ли не к ядерной войне, хотя лучше бы к проживанию на Арктическом архипелаге. По крайней мере, ей очень хотелось очутиться именно там, как можно дальше от праздничного Квебека, церковных хоралов и карамельного аромата выпечки.

На самом деле, она совершенно не понимала, что чувствует. Злость? Обиду? Смирение? Полное и беспросветное отчаяние? Или же жалость, сочувствие и неуёмное желание простить? Вылитой на голову правды оказалось так много, что Рене попросту не сумела с ней справиться. Она слишком устала, плохо спала в последние дни, но даже погрязнув в лихорадочных галлюцинациях, упрямо пыталась найти хоть один выход и разобраться, как теперь быть. Потому что бросить всё и уйти было уже поздно. С того самого вечера, когда ей позвонил совершенно невменяемый Тони. Не поцеловал, не унёс на руках в машину или попытался остановить после ссоры у кабинета Энгтан, нет. А в момент, который стал признанием слабости и криком о помощи, потому что, судя по всему, у доктора Ланга больше никого не было. Как не было и у Колина Энгтана, если верить разложенному едва ли не на молекулы короткому разговору. А потому влюблённое сердце очень хотело найти оправдания или услышать самые невероятные извинения. Господи, она считала, что заслужила их!

Рене шмыгнула заложенным носом и сунула озябшие руки в карманы. С залива Святого Лаврентия дул гадкий ветер, который забирался даже под толстую куртку, под ногами хрустел выпавший ночью снег, над головой в ледяном вихре шуршали рождественские украшения.

Когда-то Чарльз Хэмилтон научил её искренне любить канадскую зиму. После мягкого климата Старой Европы Рене была ошарашена и количеством снега, и температурой, но профессор проявил упрямство. И Рене вдруг споткнулась от ошеломляющей мысли – а ведь они очень похожи! Энтони и его дядя. Два талантливейших хирурга, оттого немного (ах, а кто-то уж слишком) спесивые; в чём-то замкнутые, но порой настолько прямолинейные, что она

неловко замирала от такой откровенности. Право слово, ей следовало догадаться самой. И, наверное, Энтони ждал именно этого. Бога ради, он раскидал достаточно хлебных крошек, чтобы Рене заработала от них ожирение. Чего только стоили тесты, невероятные совпадения фактов, даже необъяснимую ненависть к Хэмильтону следовало немедленно записать в под-сказки. В таких шарадах был весь доктор Ланг. Через колючки кратчайшим путем к правильному ответу. Только в этот раз он, похоже, перехитрил сам себя.

Она устало вздохнула и потёрла рукой пока прохладный лоб. Стараниями Энн температура спала быстро, но теперь Рене ощущала слабость и едва волочила ноги через хаотичное нагромождение сугробов. Тяжёлые ботинки увязали в снегу, словно на них нацепили по якорю, а куртка и свитер давили на плечи. Очень хотелось спать, но к этому Рене успела привыкнуть, так что почти не замечала слезившихся глаз.

Просто куда-то идти – бездумно и бесконечно – оказалось удивительно хорошо. Мысли плавно перетекали от одного подмеченного украшения к другому. Рене сравнивала увиденное с воспоминаниями, словно провела вдали от этого города не три осенних месяца, а минимум тридцать лет. Возможно, всему виной простуда, которая кутала разум в лёгкий туман, а может, чувства свыкнувшегося с другим городом человека. Однако когда вдалеке замаячило здание университетской администрации, внутри всё тревожно сжалось.

Рене знала, как поступить. Чёрт побери, она целое утро бубнила в лицо скупавшей Энн, какими именно аргументами будет убеждать комиссию в невиновности Энтони. Потому что Рене была виновата не меньше него. Пусть тогда накажут обоих, либо вообще никого! В ней горел священный огонь справедливости, который сейчас затмил даже глухую обиду на Филдса, Лиллиан Энгтан и самого Ланга. Она не догадывалась, как умудрилась заслужить доверие Тони, но оно давало надежду, что объяснения будут. Любые. Ибо после этих двух дней она согласилась бы даже на самые крохи, лишь бы найти хоть одно оправдание, хоть сущий пустяк, который с натяжкой станет поводом для прощения.

Но уже поднимаясь по каменным ступеням огромного корпуса, Рене вдруг отчаянно захотела ничего не знать ни о Чарльзе, ни об Энгтане, ни о Квебеке, ни о каких-то интригах, договорённостях или тайнах. Господи, Рене мечтала просто любить выбранного человека. Да, не самого идеального, даже не самого лучшего из всех знакомых, но определённо подходящего именно ей.

За годы обучения в университете Рене успела побывать в каждом его уголке. Она поднималась на башенку древней библиотеки, что располагалась в центре Квебека, заглядывала на факультет архитектуры и спускалась в подвалы к физикам. Днями пропадала в лабораториях, практиковалась в университетской больнице и даже состояла в команде по триатлону. А потому Рене, конечно, появлялась и здесь, в огромном амфитеатре, где обычно проводились лекции именитых учёных, политиков или выдающихся бизнесменов. Семьдесят рядов вверх и более сотни мест на самой галёрке. В этом лектории, чьи стены постепенно терялись в сумраке зимнего дня, всегда царили зябкий холод, гул сквозняков и эхо неведомых шорохов.

Рене ступила на предательски затрепавшие доски разошедшегося от времени пола, и сидевшие за длинной кафедрой люди немедленно оглянулись. Они секунду разглядывали застывшую в дверях фигуру, прежде чем дружно уставились ей в лицо, а потом вернулись к каким-то своим разговорам. И ничего не осталось, кроме как постараться незаметно потерять занявший шрам, а потом молча скользнуть внутрь аудитории.

Здесь было темно и немного мрачно. Ни на одной из тёмных деревянных панелей, ни на столах, ни на чёрной доске или покрытых инеем пластиковых окнах не висело рождественских украшений. И хотя сам университет буквально переливался огнями гирлянд, на подвесном потолке лектория горело всего два ряда светильников. Достаточно, чтобы не споткнуться в полумраке о слегка неровный паркет, но слишком мало для знакомства с выражением лиц

комиссии. А те то и дело бросали странные взгляды на не по протоколу ярко-жёлтый свитер. Наверное, Рене стоило нацепить предложенную Энн белую блузку и невнятного кроя жакет, только вот в это утро мысли были совсем не о том. И потому она смущённо уставилась в пол и искренне понадеялась, что своим видом не сделала хуже.

Ждать пришлось долго. Энтони опаздывал, отчего среди членов комиссии потихоньку поднимался возмущённый ропот, однако сидевший в центре кафедры Филдс лишь вежливо улыбался особенно недовольным. Каждый из собравшихся стремился поскорее отправиться домой, – бога ради, сегодня Сочельник! – но вместо этого люди продолжали нетерпеливо покашливать и ёрзать на своих неудобных сиденьях. Рене же успела трижды переложить постоянно сползавшую с наклонной столешницы куртку и несколько раз одёрнуть длинные рукава, окончательно их растянув, прежде чем дверь в аудиторию с грохотом распахнулась.

Появление доктора Ланга всегда производило впечатление на неподготовленных. И хотя он не делал ничего предосудительного, где-то внутри обязательно рождалось благоговение вперемешку с дикой неловкостью. Энтони сводил с ума своей ненужной неординарностью и при этом типичнейшей для всех врачей предсказуемостью. В чуть ссутуленных плечах чувствовался уникальный груз опыта, но вид презрительно задранной головы начисто стирал любые проблески благодарности к этому человеку. Даже манера речи вызывала желание придушить главного хирурга больницы, тогда как проделанная им работа требовала воздвигнуть памятник. В общем, доктор Ланг умел быть настолько неоднозначным, что иногда, кажется, путался сам в себе. По крайней мере, так часто думала Рене, у которой подобное поведение вызывало упрямую головную боль напряжения.

Вот и сейчас, вместо того чтобы встать рядом или хотя бы кивнуть, Энтони стремительно прошагал своими рельсоподобными ногами в сторону кафедры, где без капли неудобства перегнулся через высокий стол и что-то негромко сказал наклонившемуся к нему Филдсу. Последовало странное молчание, а потом все присутствующие повернули головы к Рене. Она неловко переступила с ноги на ногу. Хотелось осторожно поинтересоваться, в чём дело, но вместо этого рукава в очередной раз растянулись под пальцами, а Филдс фальшиво улыбнулся.

– Хорошо, – ответил он непонятно на что.

Но Тони определённо знал, о чём речь, поскольку коротко кивнул и наконец приблизился к Рене. Быстрым движением он подхватил её куртку, оглянулся в поисках других вещей и только затем уверенно, но осторожно вцепился пальцами в локоть.

– Что происходит? – шепнула она, но Ланг повернулся обратно к комиссии.

– Ещё минуту терпения, господа, и мы начнём, – громко возвестил он с намеренно усиленным американским акцентом. В лицо Рене будто ударил солёный ветер, а в следующий момент её куда-то поволокли.

От удивления она даже не подумала сопротивляться, когда Ланг стремительно прошагал с ней через весь лекторий, а потом открыл дверь. Он явно знал, что делал, как знали все, кроме самой Рене. Потому что в ту секунду, когда перед её удивлённым лицом оказался отштукатуренный коридор, никто не произнёс ни слова. Дальше в руки ткнулась аккуратно сложенная куртка, а лба коснулся невесомый поцелуй.

– С Рождеством, – прошептал Тони.

Он на мгновение задержался, словно собирался сказать что-то ещё, но вместо этого с шумом втянул воздух и шагнул назад. И в тот момент, когда затуманенный бессонницей и усталостью разум наконец догнал происходившие вокруг события, перед носом Рене с грохотом закрылась деревянная дверь. Раздался щелчок, и в университете стало предательски тихо.

– Какого... – пробормотала она, а потом ошарашенно оглянулась.

Поискав того, кто наверняка должен был проводить её на другой допрос, Рене никого не обнаружила. А потому бросилась к двери, где изо всех сил прижалась ухом к прохладному дереву и смогла разобрать:

– Начинаем заседание этической комиссии по делу ненадлежащего исполнения своих обязанностей главой отделения хирургии Монреальской больницы общего профиля в случае от двадцать...

Рене со всей силы рванула дверную ручку. Ещё и ещё, пока в замке что-то не хрустнуло, поскольку тот оказался предусмотрительно заперт. Но она продолжила терзать ни в чём повинную дверь, желая сорвать её к чёрту и попасть в мрачную аудиторию.

«Силы небесные! Ну какой же гадёныш!»

Рене снова безрезультатно дёрнула створку, а потом приложила ту кулаком. Ещё никогда в своей пока не такой долгой жизни она не испытывала подобной злости. О, прямо сейчас хотелось раскрошить в щепки эту дурацкую дверь, а потом вытащить Тони за шкуру и хорошенько дать в нос. Так, чтобы некогда сломанная переносица окончательно покосилась и каждый раз в отражении зеркала напоминала Лангу, какая же он скотина.

«Проклятый ржавый рыцарь! Луножопый упырь! Бледная косиножка на тонких ножках!»

– Открой дверь, ящерица ты асфальтовая! – проорала Рене и со всей силы ударила коленом в дубовую створку. Вышло ошеломительно больно. – Я сказала, хватит играть в тупое благородство! Ты не можешь просто так взять всю ответственность на себя.

Но, похоже, Энтони считал иначе, потому что замок остался закрытым. И когда в глубине коридора стихло эхо разгневанного крика, Рене вновь прижалась ухом к двери. Да так, что сначала услышала только гул собственной крови и лёгкий звон.

– ...Доктор Роше сегодня немного импульсивна. Прошу её извинить, это мой грех. Работать с молодыми талантами настолько удивительно, что порой забываешь, насколько они в чём-то дети. А для возложенных на старшего резидента обязанностей Рене Роше невозможно юна...

– Что?! – взвизгнула она, а потом яростно забарабанила ладонями по гладкой поверхности. Значит, как целовать, так взрослая. А как разделить с ней ответственность за ошибку, сразу ребёнок? – Чёрт возьми, да как у тебя язык повернулся? Ты наставник, а не исповедник, чтобы отпускать мне грехи. Он не мог тогда оперировать. Слышите? Не мог! У нас не было выбора...

Дверь под ладонями внезапно распахнулась, отчего Рене едва не ввалилась в ярко освещённое помещение, и послышался снисходительный голос:

– Ещё минуту терпения, уважаемая комиссия.

Послышались короткие смешки, а в следующее мгновение перед Рене очутилось бледное лицо Энтони. Глядя не раздражённо, но как-то устало, даже чуть-чуть обречённо, он снова схватил её за локоть и поволок дальше по коридору.

– Сделай милость, поезжай домой, – процедил он.

Их сбивчивые шаги гулко отражались от стен, в то время как Рене пыталась вырваться. Однако с каждым новым движением длинные пальцы сильнее впивались в предплечье, пока полностью не утонули в рыхлой вязке жёлтого свитера. И только когда Рене обиженно вскрикнула, дёрнувшись немного сильнее, Энтони отпустил.

– Что ты себе позволяешь?

После возмущённых криков её голос окончательно сел. Рене сама не знала, на что конкретно высказала претензию. На многоэтажное вранье? Или на неожиданное решение Энтони взвалить на себя ответственность там, где не надо, и проигнорировать чувство долга совсем в ином? А может, ей слишком многое хотелось объяснить людям, что сидели за приоткрытыми дверьми.

– Не больше, чем прописано в нашем контракте. К сожалению, – ровно ответил Ланг, а сам схватил теперь уже за ладонь и повёл дальше, к широкой лестнице главного холла. – Это уже не твоя забота. Ты сделала свою работу так, как умела, и так, как я тебя научил. Всё остальное – моё упущение, и наказание за это определит компетентная комиссия.

– Но ты виноват не больше, чем я!

– В операционной тебе казалось иначе, – едко хмыкнул он, и Рене резко остановилась.

Она уставилась в спину Тони таким красноречивым взглядом, что тот замер. Напряжённо оглянувшись в сторону лектория и озадаченно потёр лоб, словно силился понять, как поступить. И в этот момент Рене вдруг догадалась, что Тони не знал, чем закончится дело. Господи, он не мог даже предположить, ведь его репутация была слишком противоречива!

Эта вполне очевидная мысль поразила настолько, что у Рене задрожали губы. А если всё пройдет плохо? Вдруг Энтони лишат лицензии или вообще отправят в тюрьму? Что тогда станет с ней? Её сошлют куда-нибудь в Нью-Брансуик или на острова Эдуарда без единого шанса вырваться в чёртов Квебек. К нему. Стало страшно за них обоих. И ирония в том, что, хотя перед ней был полный котёл нерешённых вопросов, никуда не девшаяся обида и необходимость откровенного разговора, Рене торчала в Сочельник посреди пустого коридора и переживала, как будет жить без своего пылевого клеща.

«Тони, ну за что всё случилось именно так?»

Рене отвернулась.

– Позволь мне хотя бы объяснить им, – попросила она. – Ты не имеешь права запрещать.

– Нет. Но если попробуешь вмешаться, я уволю тебя, – спокойно отозвался Энтони, чей голос прозвучал удивительно близко.

– Не угрожай мне.

– И не думал. – Ещё ближе, отчего дыхание коснулось волос на затылке, и Рене, не выдержав, оглянулась. – Просто споры всегда заканчиваются слишком плачевно.

Она вглядывалась в глаза Энтони так пристально, словно хотела там что-то найти. Пояснения, извинения, оправдания откровенному шантажу. Но в дурацком сумраке чёрные зрачки заполнили почти всю золотистую радужку и скрыли секреты. Растерянно моргнув, она отвела взгляд. Чужая воля твердила развернуться и уйти прочь, а собственное сердце кричало остаться.

– Я не могу так, – наконец пробормотала она и покачала головой.

– Это приказ, доктор Роше.

– Неправда...

– Рене.

– Не отмахивайся от моей помощи, будто я какой-то ребёнок!

– Тебе едва за двадцать, у тебя нет опыта ответов перед комиссией или оправданий в нечаянном убийстве пациента. Так что да, с этой стороны ты самый настоящий ребёнок. Поэтому отправляйся домой, зубри учебники и празднуй с друзьями долбаное Рождество, а разбирательства оставь тем, кто в этом хоть что-нибудь смыслит! – отчеканил Энтони, и от его слов без того больное горло окончательно свело судорогой. – Уходи. Твоё присутствие здесь неуместно.

«Неуместно? – Рене ошарашенно выдохнула. – Неуместно».

От подобного обращения внутри вновь закипело бунтарское упрямство.

«Это с каких, мать его, пор неуместным стало мнение прямого участника? Господи, Тони, какую глупость ты задумал на этот раз? Какие плетёшь интриги из недомолвок? И почему так ненавидишь банальную правду? Чёрт побери! Ну зачем всё настолько усложнять?»

Рене скрипнула зубами, а затем вскинула голову в намерении задать эти и ещё много коварных вопросов в лицо Энтони, но наткнулась лишь на удалявшуюся спину, скованную неизменно чёрным джемпером.

«Что? Какого?! Вот... это наглость!»

Она топнула ногой и отшвырнула куртку в пыльный угол тёмного коридора.

– Зараза! – крикнула Рене вслед. – Ходячий вирус вредности! Сухая гангрена морали! Глупый прожорливый макрофаг! Бесконечный некроз совести, а не человек! А ну остановись и выслушай меня, Энтони Ланг, иначе я лично порву тебя на нуклеотиды...



Она прервалась, чтобы набрать в грудь побольше воздуха, однако в этот момент опухоль на этическом долге целой провинции наконец обернулась и смерила таким взглядом, что под окончательно растрепавшимися косами у Рене вспыхнули уши. Они полыхнули в темноте коридора прожекторным светодиффузором, прежде чем осыпаться искорками бенгальских огней. Ну а Тони намеренно молчал несколько слишком долгих секунд, прежде чем слегка скривил краешек губ и медленно протянул:

– Говори же. Ну! Ты, кажется, собиралась что-то мне сообщить, так давай. Потому что меня ждут.

Окончание «из-за тебя» повисло в воздухе немым укором. По крайней мере, так показалось Рене, которая резко захлопнула рот, клацнув зубами. Стало неудобно, потом неловко, а затем в голову ударила волна удушающего стыда. Рене попробовала что-то произнести, но лишь облизнула пересохшие губы. Энтони же, который наблюдал за ней с совершенно непонятным выражением лица, вздохнул и снисходительно бросил:

– Я настоятельно рекомендую тебе вернуться в Монреаль.

На этих словах он коротко кивнул на прощание и направился прочь, в сторону яркого пятна света, льющегося из открытых дверей. И когда створка с грохотом закрылась, Рене со всей силы ударила рукой по стене.

«Ну что за дура? Не могла орать ещё громче, чтобы слышали даже чайки на шпилье Шато-Фронтенак? Кошмар!»

Подхватив куртку, она стремительно сбежала по каменным лестницам, едва не сметая рождественские украшения с деревянных перил, и вырвалась прочь, в Сочельник.

На то, чтобы проморгаться от бликов, которыми сверкал свежеевыпавший снег, ушла минута. А может, и больше. Рене не знала, поскольку отчаянно пыталась найти рукава. Шаря рукой по быстро остывшей ткани, натыкалась то на капюшон, то вовсе на какой-то карман. А когда, наконец, победила, закуталась и нахохлилась, точно разбуженная в неурочное время сова. Рене отчаянно и бесполезно сердилась. На себя за порывистость, на Тони за авторитарность, на комиссию за вредность, даже на Энн, которая дала кучу таблеток, но не подумала, чем их запить! Пальцы нашарили в кармане хрустящий блистер. Наверное, стоило выпить одну. Рене чувствовала, как начинает ломить сухой лоб, – верный признак, что скоро задохнется издохнуть. Но, оглянувшись, она не нашла ни одной работающей лавки, которые обычно всегда располагались неподалёку от главного корпуса. Ну еще бы, завтра ведь Рождество. Так что Рене закатила глаза, круто развернулась и вновь взобралась по лестнице, чтобы толкнуть тяжелые двери и слезившимися теперь из-за темноты глазами отыскать яркое пятно снекового аппарата. Слава богу, бездушная электроника не знала о праздниках.

Сделав несколько жадных глотков совершенно безвкусной воды, Рене прислонилась к тихо гудящей металлической коробке и задумалась. Энтони велел уйти, и после некрасивой ссоры, а потом ещё более дурацких криков не находилось причин послушаться. К тому же где-то там ждала Энн, горя желанием прогуляться по Пти-Шамплейн. Из груди вырвался тяжёлый вздох. Наверное, стоило взять себя в руки и пойти на остановку. Быть может, ещё удастся выпить горячего чая и подремать в кресле, прежде чем праздник захлестнёт наполненный туристами город. Но вместо очевидно разумного выбора Рене повернулась и уверенно зашагала в сторону коридора на втором этаже.

Сидеть в сумрачном холле было холодно и удивительно скучно. Батарея на телефоне давным-давно издала предсмертный писк, поэтому Рене равнодушно созерцала расщелины на плитах пола и невнятные картины на стенах. Заседание длилось утомительно долго. Давно миновал полдень, затем большие часы пробили два часа дня, потом и четыре. За всё это время комиссия вышла размять свои старые кости лишь один раз, и Рене едва успела спрятаться за каким-то терминалом с оплатой, боясь быть замеченной. Узнай Энтони, что она здесь

– быть очередному скандалу. Но Рене не могла уйти просто так. Не в тот момент, когда за дверью шло негласное соревнование двух интриганов: Ланга и Филдса. Не оставалось сомнений, что Энтони попытается отомстить за манипуляции, за обман, за Рене и за собственные вынужденные решения, которые привели... да бог его знает, куда они привели. Всё так непонятно.

Маясь от безделья, Рене в который раз прокручивала в голове разговор, прежде чем с обречённым смешком всё же признала, что отношения Лиллиан Энгтан и доктора Ланга сложно назвать родственными. Будто два чужих человека вынужденно существовали в стенах больницы, скованные договором, отчего окончательно позабыли роль матери и сына. Рене не знала их истории. И вряд ли ей когда-то расскажут. Но если подумать, такое ребячество – бежать от семьи, чтобы в конце очутиться с ней рядом. Будто Энтони пытался уйти как можно дальше, но перестарался и обошёл Землю по кругу, вернувшись в исходную точку.

Рене хмыкнула и прикрыла веки. Спать хотелось катастрофически, отчего мысли уходили в какие-то уж совсем неведомые бредни. Обойти Землю по кругу. На это понадобился бы не один год! Чушь какая. Она поёрзала, устраиваясь поудобнее. На каменной скамейке, что стояла чуть в стороне от нужной двери, сидеть было твёрдо. Плечи под тяжестью куртки давно затекли, а согнутые в коленях ноги уже опасно немели, но Рене упрямо ждала окончания слушания и всё-таки его прозевала.

Видимо, она задремала, а может, опять начинала подниматься температура, однако когда дверь в аудиторию распахнулась, мозг не успел совладать с вялым телом. Рене осталась сидеть и заторможенно наблюдать, как один за другим покидали лекторий громко переговаривавшиеся члены комиссии. Они смеялись, торопливо натягивали тяжёлые куртки или длинные шерстяные пальто, пока пытались одновременно пожать на прощание руки всех находившихся рядом коллег. Некоторые с любопытством косились в сторону Рене, но для большинства она оставалась незаметным предметом мебели. Будто со скамейкой она составляла унылую скульптурную группу. Только Филдс удостоил её слегка удивлённым взглядом. Он подошёл, небрежно махнув парочке собеседников на просьбу подождать, и остановился напротив.

– Должен заметить, ваши с доктором Лангом отчёты весьма забавны, – произнёс вершитель судеб после недолгого молчания, однако в глазах у него не наблюдалось ни единой эмоции.

– Что же в них такого забавного?

– О, боюсь, вы не поймёте, – снисходительно скривился Филдс. – Для этого надо очень хорошо изучить вашего наставника.

– Не знала, что к нему прилагалась инструкция. Забыли выдать её, когда продавали меня в Монреаль?

– Лиллиан упоминала, что вы знаете правду, – кивнул он, и Рене не нашла причин спорить. Да, она знала. И слава богу.

– Можно было обойтись и без такой лжи. Думаю, я смогла бы понять вашу мотивацию.

– Вы – да. Кое-кто... вряд ли. – Филдс вынул из портфеля перчатки, но вдруг остановился и открыто посмотрел на Рене, отчего шрам обиженно зазудел. – Слушания переносятся на конец декабря, однако вашему наставнику ничего не грозит. В этот раз пустая формальность. Но позвольте дать совет. Доктор Роше, у вас хорошие рекомендации, прекрасные учителя и определённо есть талант к хирургии. А потому бегите. Спасайте свою очаровательную шкурку, прежде чем с вас её снимут, и прихватите с собой попутчика. Если он, конечно же, согласится.

Филдс вежливо улыбнулся, а Рене ошарашенно уставилась на главу резидентуры<sup>3</sup> целой провинции. *Он?* Речь шла о Тони? Но с чего бы ему убежать?

---

<sup>3</sup> Резидентура – форма получения послевузовского углубленного медицинского образования по клиническим специальностям.

– Это... это немного противоречит вашим собственным действиям, не находите? – просипела она, мгновенно забыв про облегчение, что принесла с собой новость о слушаниях. Филдс лишь едва заметно усмехнулся, пока застёгивал пальто.

– Всё меняется, доктор Роше. Я пошёл на уступки для Энгтан один раз, потому что мне, в общем-то, было глубоко всё равно, сколько трофеев она собралась разменять в этом году. К тому же, на первый взгляд, вам доставался джекпот. Но потом игра пошла по непредсказуемым правилам. Главный врач, который использует буллинг в качестве приручения сотрудников...

– Вам известно даже это?! – прошептала Рене, чем заслужила взгляд свысока.

– Похоже, мне действительно стоило выдать инструкцию. – Филдс откашлялся, словно хотел скрыть смехок, но потом неожиданно посерьёзnel. – Скажу откровенно, ваше будущее мало меня интересует. По-моему, вам не хватает настойчивости, уверенности, гонора и капли жестокости, чтобы стать чем-то по-настоящему достойным внимания. Но поскольку главный герой здесь вовсе не я, то и не мне писать пьесу. И всё же у меня будет к вам просьба.

– Какая? – тихо спросила Рене, не зная, то ли поражаться столь низкой оценке своих способностей, то ли быть польщённой, что до обращения к ней за помощью снизошёл сам Филдс. А он тем временем застегнул верхнюю пуговицу янтарного пальто и горько поджал губы.

– Заставьте его слезть с таблеток, – устало проговорил этот высокий старик, который вдруг нацепил на себя все свои годы. – Любой ценой. Обещайте или убеждайте в чём хотите, лгите что хотите, но он должен понять: травма вылечена, а прошлое осталось в прошлом. Нельзя постоянно заниматься самоистязанием, думая, что причины до сих пор ведут к несвершившейся мести. Будто где-то ещё есть незакрытые счета или причины для расплаты. Нет. Всё закончилось. В живых никого не осталось. А потому пришла пора окончательно уяснить, что проблемы головы Колина исключительно в голове самого Колина. Понимаете?

Рене открыла рот, но немедленно захлопнула, когда почувствовала предательское дрожание губ. Заметил его и Филдс, который лишь расстроено усмехнулся и покачал головой.

– Господи...

– Вы знаете часть правды. Думаю, ещё один кусочек не повредит. – Он пожал плечами. – Так вы обещаете?

Он задал вопрос с таким нажимом, что ничего не оставалось, как честно ответить:

– Да.

Потому что она действительно этого хотела. Была готова стереть до крови язык, истоптать до мозолей колени, сорвать голос в попытке докричаться до Тони. Или его следовало звать Колином? В общем, до человека, которого Филдс спокойно называл по старому имени, кажется, зная о нём слишком многое. Гораздо больше, чем она сама. И внезапно Рене почувствовала себя настолько запутавшейся, словно её выбросили в бурное море с тоненьким плотом из веры в людей. Отвратительное чувство. Вокруг постоянно происходили чудные события, сводились какие-то счёты, затевались странные игры, а она плыла по течению без шанса вмешаться. И никто, ни одна живая душа не желала протянуть ей руку и помочь выбраться. Даже Филдс. Даже сам Энтони. И как же от этого было паршиво!

А потому, движимая горечью от такого пренебрежения к своим чувствам, Рене вскинула голову, чтобы попросить дать хоть немного правды, но с удивлением обнаружила, что коридор опустел. Здесь было тихо и совершенно безлюдно. Какой сюр! Её снова бросили с кусочком мозаики и Джомолунгмой вопросов. Держи, милая! Радуйся! Поиграй, ведь ты ещё глупый ребёнок!

Рене всхлипнула, вытерла нос рукавом, а потом сердито смахнула рукой выбившееся из куртки пёрышко. На глаза опять навернулись дурацкие слёзы. Во всём виновата усталость. Да-да. Однако и Рене Роше – не таблетка от всех бед на земле.

Голова устало опустилась на холодную оштукатуренную стену. Стоило бы встать и проверить аудиторию, узнать, ушёл ли Тони, но сил не осталось. К тому же что она ему скажет? Опять начнутся упрёки и поучения. Она фыркнула, поджала колени к груди и поплотнее закуталась в свитер. Идти никуда не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Даже итог слушаний теперь казался незначительной мелочью. Рене не знала, задремала ли снова, но в какой-то момент резко дёрнулась. Сначала она не поняла, что её напугало. Где-то хлопнула дверь? Или закрылось окно? Однако в тишине пустого здания раздались шаги, а потом в ярко освещённом проёме аудитории показалась знакомая долговязая фигура. Она едва заметно качнулась, но успела ухватиться за стену. И только в этот момент Рене почувствовала, как стало легче дышать.

Итак, поле боя Энтони покинул последним. Выключив за собой свет, он тяжело шагнул в сумрачный коридор и вдруг остановился, словно не представлял, куда идти. О, наверное, оно так и было. Вряд ли Ланг бывал здесь так часто, чтобы выучить переплетение лестниц в новом корпусе. Но в следующий момент он потёр рукой лоб, вновь пошатнулся, и Рене пришлось зажать рукой рот, чтобы не выдать себя отчаянным всхлипом. В голове лопнул фейерверк чужой боли.

– Насколько я понимаю, это не Монреаль, – едва слышно проговорил он и повернулся.

В несколько шаркающих шагов Ланг добрался до нужной стены, а потом тяжело опустился на скамью, отчего в мозгу взорвалась парочка боезарядов. И Рене не знала, как сумела сдержаться. Каким удивительным чудом задавила совершенно безотчётный порыв дёрнуться и помочь, схватить под локоть, обнять за талию... Этого Тони не простил бы даже ей. А потому Рене лишь развернулась к нему и с ногами забралась на сиденье, не заметив, как на пол полетели пальто и куртка. Руки сами потянулись вперёд, но Рене вдруг одёрнула себя. *«Проблемы головы Колина исключительно в голове самого Колина»*, – вспыхнул в памяти голос, от которого опять нахлынула растерянность. Что это значит? Ей не следовало помогать? Вдруг тем самым она сделает только хуже? Ох, раньше с Энтони было непросто, но хотя бы понятно, а теперь сложно и, похоже, совсем непонятно.

– Нет, – прошептала наконец Рене, – это всё ещё Квебек.

– М-м-м, – донеслось бормотание, и её без того измотанное сердце не выдержало.

Рене торопливо подползла к безвольно привалившемуся к стене телу, робко коснулась плеча и поймала измученный взгляд из-под полуприкрытых век.

– Позволишь? – спросила она почти беззвучно, но Энтони уловил и, кажется, удивился.

– Ты спрашиваешь у меня разрешение? – с трудом проговорил Ланг, а потом болезненно усмехнулся. – Глупая...

– Я просто не знаю, могу ли теперь, – пробормотала она. Выждав ещё пару секунд, пока накатывала очередная волна боли, Рене аккуратно обхватила его голову ладонью и чуть приподняла от шершавой стены. Бережно коснувшись привычно взлохмаченных тёмных волос, прошептала: – Имею ли право. Позволишь ли. Захочу ли сама. Всё так изменилось...

Рене прервалась, но затем упрямо трянула головой и встала на колени за спиной Тони. Она наверняка несла самый настоящий подростковый бред, но заниматься самобичеванием из-за сказанного было некогда. Тяжёлый затылок ткнулся в грудь, отчего из лёгких выбило воздух, и Рене сильнее стиснула зубы. Сегодня мигрень Энтони разыгралась как никогда. Осторожно кашлянув, Рене упёрлась основанием ладоней в район височных костей и уже прикрывала глаза, намереваясь привычно скользнуть к основанию черепа, однако в этот миг почувствовала прикосновение. В её левую руку вцепились так, словно та оставалась последней опорой. Сжав холодные пальцы, Энтони слегка повернул голову.

– Изменилось? Ты действительно так считаешь? – спросил он, а потом неожиданно расхохотался, отчего у Рене перед глазами вспыхнули пятна. Руки сами впились в горячую кожу,

Тони вздрогнул и смех оборвался. Наконец он отпустил уже побелевшие пальцы и едва слышно пробормотал: – Дерьмо. А ведь, похоже, именно так.

– Будто для тебя нет, – немного резко откликнулась Рене, но наткнулась лишь на гордо вздёрнутый подбородок и окончательно задеревеневшие мышцы. Господи, это просто замкнутый круг. Раздражение вырвалось наружу, и она слишком сильно оттянула длинные волнистые пряди. Рене не собиралась причинять боль, а потому вздрогнула вместе с Тони и торопливо прижалась губами к тёмной макушке. – Прости! Прости... я не хотела.

Он ничего не ответил, только чуть передёрнул плечами. И бог знает, сколько прошло времени, прежде чем Рене решилась снова запустить пальцы в густые волосы. Она скользила ладонями и успокаивала сведённые спазмом мышцы, пока думала над словами Энтони. Почему он так удивился? Что смешного нашёл в её растерянности? Неужели считал, будто она спокойно проглотит столько недель обмана?

«О, милый, у тебя куча потайных личностей, родственных связей и фальшивых паспортов, о которых в Квебеке знает каждая собака, но не я? Ничего страшного. Это нормально. Со всеми бывает».

Рене тихо фыркнула. У неё возникло столько вопросов... но Энтони, похоже, и не думал на них отвечать. Он молчал так долго, что его наконец прозвучавший в тишине голос показался неожиданно чужим.

– Нет, Рене. Для меня всё осталось по-прежнему.

И пусть она услышала эти слова, но смысл ещё какое-то время ускользал от уставшего мозга. И только когда Рене всё же собрала всё в единое целое, из груди вырвался прерывистый вздох.

«О, Тони...»

Она опустила руки на широкие напряжённые плечи, а потом едва ощутимо сжала их. Им следовало поговорить. Просто необходимо обсудить это и ещё много всего, потому что продолжать так не имело смысла. Бесконечно держаться за тайны не выйдет. Но чтобы разговаривать Тони, потребуется невероятное чудо. Нечто такое, что поможет начать самый тяжёлый в жизни Рене разговор. Целый воз рождественского волшебства.

– Ты уже был на Пти-Шамплейн?

Главная туристическая достопримечательность Квебека напоминала картинку с открытки. В духе колониальности, с обветшалыми, на первый взгляд, домиками, она весело светилась миллионами гирлянд и рождественских огоньков. Будучи некогда главным ремесленным центром, Пти-Шамплейн порядком поизносилась, но стойко держалась благодаря бесчисленным маленьким кафе и магазинам с канадскими сувенирами. Это была не улица, а самая настоящая сказка. Островок Старой Европы за тысячи километров от Франции. Он утопал в венках из остролиста и белых хрустящих сугробах. На каменных или отштукатуренных стенах здесь ещё висели газовые фонари, а на второй этаж вели винтовые лестницы. Пти-Шамплейн олицетворяла само Рождество со своим неубранным снегом и мультяшно-волшебным Шато-Фронтенак, который то и дело выглядывал чередой подсвеченных башенок.

Они приехали сюда на машине. На той самой твари, которую в ближайшие годы вряд ли забудут в Квебеке. И хотя Рене предпочла бы никогда туда не садиться, но в университете, так и не удостоив её ответом, Энтони просто направился к выходу. А потому Рене лишь оставалось двинуться за ним следом и сесть в горевший алой подсветкой салон. Они молчали. Пока пристёгивались, пока прогревался двигатель, пока неслись по узким улочкам. Рене иррационально боялась прикоснуться к машине, даже дышать в ней становилось с каждой минутой сложнее, будто та так и горела желанием убить. И совершенно неважно кого: хозяина или его пассажира. Она виляла на заснеженных поворотах, опасно скользила по столетней брусчатке и едва не задевала широким боком фрески на гладко отштукатуренных стенах. Тони лениво придержи-

вал руль двумя пальцами левой руки, а Рене боролась с желанием зажмуриться. Может, хватит уже глупого риска? Но яркие отблески светившейся кобры плясали по тёмным окнам витрин закрытых в канун Рождества магазинов.

В напряжённо гудевшей тишине салона вдруг стало отчётливо ясно, что одного дерзкого желания начать разговор слишком мало. Выяснилось, что для решимости открыть рот и произнести первое слово надо чуть больше, чем юношеский максимализм. Так что Рене молчала, комкала манжеты свитера и искала малейший предлог, а тот не находился удручающе долго.

Они успели приехать и спуститься по убийственной лестнице. Взгляд Энтони скользнул по типичным сувенирчикам в виде оружия первых колонизаторов, и вот тогда Рене наконец-то отыскала, за что зацепиться. Внимание Ланга было приковано к стойке лишь на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы она нашла повод. Дерьмовый, конечно, но уж какой есть.

– Тебе снится война?

– Снится, – коротко отозвался Ланг, и снег захрустел под подошвой тяжёлых ботинок.

– И как это?

Энтони равнодушно пожал плечами.

– Грязно. А ещё пыльно и шумно. Постоянно чего-то не хватает. То антибиотиков, то чистого инструмента.

– Сколько ты там провёл?

– У нас допрос? – хмыкнул он, но Рене не повелась. Наоборот, быстро обошла Тони, остановившись прямо перед ним, и совершенно будничным жестом смахнула с воротника пальто целый сугроб. С неба вновь валил снег.

– Нет. – Рене покачала головой. – Не знала, что это очередная запрещённая тема.

Энтони скривился, и они вновь зашагали по заваленной сугробами улице, которая быстро становилась безлюдной. Вечер перед Рождеством все хотели провести вместе с семьями, а потому лишь запоздавшие безответственные покупатели выбирали подарки в последних не закрывшихся ещё лавках. Скоро улица совсем опустеет, а вот им с Тони сегодня идти некуда. Только и оставалось месить снег да вести пространные беседы в надежде однажды добраться до нужной темы.

– Три года, – неожиданно прозвучал за спиной голос, заставив Рене оглянуться.

Надо же, она и не заметила, когда Энтони остановился. Он замер у тира рядом с лотком, где лежали самые дешёвые игрушки на свете, и изучал их с таким любопытством, словно был заядлым зоологом. Хотя вряд ли в мире существовали специалисты по оранжевым единорогам или плюшевым жабам. Неожиданно Энтони усмехнулся и взял в руку серебристого лося. Да уж, символ Канады – это святое.

– В армии не было ничего интересного, если вдруг ты напридумывала себе трагедии космического масштаба. Отслужил, получил лицензию, вернулся и закончил подготовку на травматолога. А дальше тебе известно.

Он хмыкнул и небрежно вернул лося на место, а Рене нервно стиснула руки. Да, последующую историю знал каждый, кто хоть раз слышал имя доктора Ланга. Самый молодой глава отделения, наглец, виртуоз и просто эпатажная личность. Рене вздохнула. А ещё потрясающе противоречивый человек.

– Филдс хочет, чтобы ты перестал пить таблетки.

– Джонатан давно не мой лечащий врач. Я сам решу, пить мне их или нет.

– А ещё он назвал тебя Колином, – ровно произнесла Рене и уставилась в тёмные от ночи глаза, в которых прямо сейчас плясали огоньки от гирлянд. Позади них с гоготом пронеслась толпа то ли немецких, то ли австрийских туристов, и Тони сделал небольшой шаг назад.

– Вот уж кому не следовало пренебрегать пилюлями для поддержания памяти, – донеслось ядовитое шипение.

– Кто он тебе?

– Бывший учитель, который слишком привык лезть не в своё дело, – процедил Энтони.

Он постарался поглубже засунуть криво сидевшего лося, отчего остальные игрушки едва не посыпались. А Рене втянула воздух сквозь сжатые зубы. Учитель? Что же, это многое... ладно, не многое, но хоть что-нибудь объясняло.

– Хочешь, я выиграю тебе медведя?

Неожиданный вопрос заставил Рене удивлённо моргнуть.

– Что?

– Медведя хочешь?

Тони махнул рукой на ряд железных банок, которые, видимо, требовалось прострелить из потрёпанной пневмовинтовки. Лак на её прикладе давно стёрся, а дуло, кажется, пошло красивой волной. Рене озадаченно нахмурилась.

– Зачем он мне?

– Все девочки обнимаются с мишками на ночь. Разве нет? Завязывают бантики, усаживают на подушку или кладут под одеяло.

– Да, если им пять, – холодно откликнулась Рене. Неужели он снова намекал на её детский возраст? Но Энтони ничего не добавил и принялся шарить по карманам своего заснеженного пальто.

– Значит, не хочешь?

– Нет.

– Жаль. Думал произвести впечатление, – машинально пробормотал он, и с волос полетела целая шапка из белых хлопьев, обнажив покрасневшие на морозе уши.

Господи, и кто из них теперь ребёнок? Рене поглубже надвинула капюшон куртки. Это Канада, а не солнечное калифорнийское побережье! Тем временем Энтони всё же нашёл пропавшую, которой оказался бумажник, и достал пару купюр.

– *Какой приз, если собью все?* – на отвратительнейшем французском поинтересовался Ланг, а затем махнул в сторону пустых банок.

– *Заяц за три промаха. Лось за два. Победителю вон тот славный бобр.* – Продавец показал на нечто длинное и невнятно коричневое, неопознаваемая часть тела которого трагично болталась сверху стойки с дурацкими банками. Что? Нет! Ей не нужен ни заяц, ни лось и ни бобр, и уж точно она не нуждалась в утешительных праздничных флажках с гербом Квебека.

– Ты же не хочешь?... – начала Рене, но очень взрослый мужчина невозмутимо вскинул винтовку, что-то там осмотрел и щёлкнул пальцами по прицелу. – Тони! Зачем он тебе?

– Сегодня Рождество, – невозмутимо откликнулся Ланг и прицелился. – А я без подарка.

– Да не нужен он мне! – воскликнула Рене, но тут раздалась равномерная очередь хлопков, а следом за ней оглушительный лязг свалившихся банок. Первый ряд опустел, и Энтони слегка повернул голову.

– А кто сказал, что тебе? Может, я собираю коллекцию бобров. – Новую серию из семи выстрелов перекрыл грохот падающих мишеней, и Ланг опять щёлкнул по прицелу. – Открою потом музей. Приглашу репортёров с пятого канала, которые ведут передачу о всяких старьёвщиках. И прославлюсь на всю страну. К чёрту унылую хирургию!

Провозгласив еретический лозунг, он сбил последний ряд и демонстративно швырнул винтовку на стол.

– В конце концов, это точно лучше, чем спасение жизней неблагодарных людей, – хмыкнул Ланг, а потом с кривой усмешкой забрал у удивлённого продавца нечто среднее между облезлой крысой и карликовой россомахой. Попробовав на ощупь огромные плюшевые зубы и подкрутив редкие усы, он протянул Рене животное. Добытчик, чтоб ему было пусто! – С Рождеством.

Рене невоспитанно проигнорировала поздравление.

– Ты ждёшь каких-то наград за работу? Разве сам факт спасения – не стимул продолжать? – растерянно спросила она и машинально забрала бобра. Замёрзшие пальцы инстинктивно зарылись в синтетический мех.





– Первые два года – быть может, а потом у тебя на столе кто-нибудь умирает, и ты познаёшь всю систему без прикрас. Увы, но после нескольких огромных штрафов налёт романтизма улетучивается. Остаётся лишь протокол и постоянный страх ошибиться. Любой шаг в сторону здесь карается слишком больно, даже если попытка выглядит оправданной.

– Но сам ты рискуешь! – не удержалась от восклицания Рене. – Берёшь безнадёжных... порой плюёшь на все руководства...

– Потому что так интересней.

Она подавилась холодным воздухом и закашлялась, схватившись за наряженную ёлку возле светившегося огоньками входа. Но искусственное дерево вдруг пошатнулось, а затем пластиковые игрушки с шорохом полетели на землю.

«Чёрт!»

Из груди Рене вырвался длинный вздох безнадёжности. Быстро осмотрев причинённый ущерб, она ногой спихнула блестящие шары под разлапистые ветки и поспешила за ничего не заметившим Энтони. Ноги вязли в рыхлом снегу, но Рене торопливо месила сугробы, хотя сердце уже гулко бухало в грудной клетке. Видимо, не впечатлившись красотами улочки, Тони повернул обратно, и теперь они направлялись в сторону старого бастиона. Здесь уже было совсем не празднично, впереди чернели незамёрзшие воды Святого Лаврентия, дул противный сырой ветер. Рене зябко передёрнула плечами.

– Ты прооперировал больше критических случаев, чем всё отделение в целом. Не думаю, что решающим пунктом здесь стала твоя зарплата или нереализованные часы досуга, – продолжила она, поудобнее перехватывая бобра. – Можно быть сколь угодно циничным, но твои дела говорят гораздо лучше, чем...

– Рене, – устало перебил Тони, – наша жизнь состоит из света бестеневых ламп и мертвецов, всё прочее – лишь побочный продукт. Пациенты меняются, появляются новые технологии, ты учишься, пробуешь, ошибаешься, но в конце каждого дня остаются только две вехи: трупы и гудение светильников.

– Как будто тебя больше ничего не волнует. Лишь удовлетворение собственного любопытства и скука. Но это люди, Тони. И они пока не лабораторный эксперимент, а живые!

– Что с того? Каждая операция в чём-то экзамен. Даже мышам приходится жертвовать собой во имя науки. Жизнью больше... жизнью меньше... человечество не заметит.

– Перестань! – выдохнула Рене.

Она истерично вцепилась в каменную кладку старого бастиона, жадно хватая ртом ледяной воздух с залива. Выброшенная игрушка полетела куда-то во мрак, но никто не обратил на неё внимания. Уж точно не Рене, чьи лёгкие уже горели от холода, но зато с каждым вздохом воспоминание о вывалившихся на грязный пол кишках становилось если не глуше, то хотя бы не столь одуряюще ярким. Она не знала, что взбесило больше: снисходительный тон или полное нежелание Энтони вникнуть в подоплёку чужих поступков, но даже слышать нечто подобное казалось Рене предательством выпестованных идеалов.

– Возможно, космосу плевать на потерю одного-единственного человека, но мир не состоит лишь из глобального. Есть ведь и личное. И для кого-то эта смерть – конец. Больше не будет мечтаний, любви, целой реальности! И мы не можем относиться к нашему делу так, словно это конвейер бездушных случаев.

– В тебе пока бурлит беспричинный энтузиазм. – Энтони снисходительно улыбнулся, а Рене вдруг захотелось швырнуть в него намертво вбитым в камень пушечным ядром. – Пустой оптимизм. Возможно, на нём ты протянешь чуть дольше, чем несколько лет, но вырасти тебе всё же придётся...

– Хватит! – резко выкрикнула она. И, чудо, Энтони мгновенно замолчал. – Хватит думать, будто я малолетняя дура. Хватит меня поучать! Только и слышу: взрослей, ребёнок,

наивность. Хватит! Ты ведь ничего не знаешь! Абсолютно ничего, чтобы раздавать советы, какие мне принимать решения, что считать и чем руководствоваться. Я понимаю, вам весело. О, вот она, милая маленькая девочка, над ней ведь можно так хорошо посмеяться. Восторженная глупышка, у которой в голове лишь романтика да альтруизм. Чем не прекрасный объект для шуток и наставительных бесед. Но всё немного иначе. Я не просто...

– Серьёзно? – вдруг прервал её Тони. – Вот как ты обо мне думаешь?

– А ты только что дал мне повод думать иначе? Да, мне двадцать четыре, и опыта едва ли хватит на страницу больничного резюме...

– Достаточно, можешь не продолжать.

– Знаешь, почему я решила стать врачом? – Она резко повернулась и уставилась в лицо замершего поодаль Тони. – В четырнадцать лет я была балериной. Глупой танцовщицей, которая крутила свои фуэте да приседала плие. Не самая лёгкая, но прекрасная жизнь, где каждое лето перед глазами синело море, под ногами простиралась любимая сцена, а в ушах играла лучшая музыка. Но потом моей подруге вспороли живот. Просто так! Прямо у меня на глазах. И я ничего не могла сделать. Представляешь? Ничего! Дочь хирургов, внучка главы Красного Креста не знала даже, как остановить долбаное кровотечение!

– Ты была ребёнком.

– Я была гневливой, чванливой и вечно всем недовольной!

– Типичный подросток...

– Который мог бы знать немного больше!

Рене ещё сильнее стиснула каменный парапет, чувствуя, как её бьёт озноб. От холода или от злости? А может, от воспоминаний? Чёрт возьми, вовсе не так она хотела рассказать эту историю. Не ради попытки отстоять свои убеждения, но как шанс довериться и получить то же в ответ. А вышло почему-то иначе.

Повисла неуютная тишина, которую нарушали лишь грохот ранних фейерверков да свист ветра меж бойниц. Наконец за спиной Рене послышался скрип снега, а в следующий момент Энтони встал рядом и облокотился на соседний кирпичный выступ.

– Ты их убила, верно? – спросил он. Рене дёрнулась, когда клокотавшую весь разговор злость мгновенно смыло приступом паники.

– Что? Откуда?!

Эту часть прошлого не знал никто. Даже дедушка не смог добиться окончательной правды.

– Нож, – просто ответил Ланг. – Ты пыталась ударить им Дюссо точно так же, как описал судмедэксперт. Я, конечно, не специалист во французском, но латынь, слава всему, всегда остаётся латынью.

Со всей силы зажмурившись, Рене резко оттолкнулась от каменной стены и быстро зашагала обратно. Господи, как бы она хотела снова сбежать от всего этого!

– Эй! – Энтони в два шага нагнал её и попробовал взять за руку, чтобы она не поскользнулась, но Рене вырвалась.

– Если ты знал причины, то почему до сих пор считаешь, будто я восторженная первокурсница из медицинского колледжа? – зло поинтересовалась она.

– Я прочитал о случившемся, но отчего-то там никто не написал, что это значило именно для тебя. – Сарказм Тони отдавал едкой горечью, а внутри Рене будто сдулось что-то неведомое. Разумеется, газеты в Женеве свято чтит личную жизнь. – Они... что-то сделали вам?

– Не мне. Виктории. Мучили, насиловали, избивали и снимали это на плёнку, чтобы получить выкуп. Не за неё. Вик была никому не нужна. Только за меня. Поэтому я их убила. Всех. Даже того мёртвого исколола ножом... на всякий случай.

Наверное, её слова звучали ужасно, совершенно отталкивающе. От девочки в дурацких платьях не ждёшь подобной жестокости, но Энтони, кажется, не удивился. Надо же. Рене пнула

какой-то куст и шмыгнула носом. От быстрой ходьбы теперь стало жарко. Втянув морозный воздух, она вдруг зачем-то сказала:

– Не переживай, девственности я лишилась стандартным способом, где в комплекте шло три коктейля, старшекурсник и неловкость наутро. Как у всех. Меня никто не насиловал.

Она ядовито усмехнулась, но вышагивающий рядом Энтони оставался серьёзен.

– Сколько тебе было?

– Мне было, и этого достаточно, – оборвала его Рене, не поддержав очередной намёк на возраст. – Что-то ещё? Или мы закончим на этом вечер допросов?

Видимо, Энтони всё же решил прекратить неудобный всем разговор, потому что остальной путь они проделали молча. И только уже под конец Рене вдруг осознала, куда несли её ноги – квартира наверняка испереживавшейся Энн мерцала пёстрой иллюминацией на весь переулок. Несколько шагов, и всё. Они добрались.

– Когда возобновятся слушания? – спросила Рене. Замерев возле припорошенной снегом лестницы, она один за другим нервно обрывала листья обвивавшего перила остролиста.

– Послезавтра, – немедленно откликнулся Тони.

– И чем всё закончится?

– Я заплачу восхитительный штраф, а к тебе приставят надсмотрщика. Следить, как бы никто из нас опять не начудил, потому что следующий раз может стать для тебя последним.

– Ясно, – коротко откликнулась она, немного помедлила, а потом быстро кивнула и поспешила вверх по скользкой лестнице.

– Рене! – Напряжённый голос Энтони застал её на верхней ступеньке, и она обернулась. – Ты ведь знаешь, её было уже не спасти. Что бы ты ни делала, как бы быстро ни бежала из того подвала за помощью.

– Да... – прошептала она. Святые угодники, Ланг действительно читал. В тот же день, как оказался связан с ненужной ему девчонкой, или после ночи в запертой раздевалке – неважно. Энтони хотел знать и потому нашёл даже то, что она желала бы навсегда скрыть.

– Сейчас ты живёшь мыслью сделать смерть подруги ненапрасной. Стремишься спасти каждого встречного, хотя знаешь, что её это не вернёт. Но что будет, когда ты наконец смиришься? Любое топливо веры однажды заканчивается. И как жить тогда? В безысходности шагнёшь из окна или прыгнешь под поезд? – Энтони подошёл ближе и заглянул растерянной Рене в глаза. – Я не считаю тебя ребёнком. Ни до и уж точно ни после того, как поцеловал. Мало того, мне хотелось бы оставить тебя такой, со всеми твоими небесными целями и сверкающими убеждениями, но так нельзя. Когда придёт осознание, тебе понадобится хорошая причина, чтобы снова взять в руки скальпель.

– Ты ошибаешься, – холодно отозвалась Рене. – Я не собираюсь спасти всех во имя Виктории. Единственное, чего я хочу – остаться хорошим человеком. Не обычным, не выдающимся, не известным. Просто хорошим. Однако мне действительно нужна причина, чтобы однажды не потеряться среди своих мертвецов. Я думала, ты сможешь стать ею. Но теперь не уверена. Я вообще не понимаю, что происходит вокруг. Господи, Тони, я даже не знаю, кто ты такой!

– Не знаешь? – после недолгой паузы тихо повторил Ланг, и почему-то в его голосе Рене померещилась обида. – Три месяца бок о бок, а ты так и не знаешь?

– Твоих загадок хватит на целую пирамиду! Сплошной обман. Чёрт возьми, даже Филдс сказал мне больше правды, чем ты за все эти недели. Я понятия не имею, что ты такое, Энтони Ланг. И уже не уверена, что хочу знать, – зло повторила Рене, а он вдруг усмехнулся и отступил.

– Я это я, Рене. – От его тона внутри словно что-то оборвалось. Слишком тихо звучали слова. Слишком много смысла он в них вложил. – Я не моё имя, не мои родители и не моё прошлое. И мне очень жаль, если ты этого так и не поняла.

Бросив последнюю фразу, он почему-то виновато улыбнулся, скользнул взглядом по мерцавшим огнями окнам и зашагал прочь. А Рене ещё долго растерянно стояла на пороге, прежде чем нырнула в сухое тепло старого подъезда. Дурацкий получился разговор, не стоило и начинать.

Энн встретила ожидаемым криком. Она безостановочно носилась по комнатам, швырялась вещами и причитала до тех пор, пока всё же не выдохлась. Наконец замерев возле не спешившей снимать верхнюю одежду подруги, медсестра упёрлась рукой в дверной косяк и строго осведомилась:

– Ну?

– Я возвращаюсь в Монреаль, – коротко ответила Рене. – Зашла попрощаться.

– Что? – На лице Энн было написано искреннее непонимание. – Какой Монреаль? Какое, мать твою, попрощаться? Мы же договаривались! Собирались встретить Рождество вместе на площади. Да и куда ты попрёшься на ночь глядя? Половина девятого вечера. Рене, ты слурела? Опять поднялась температура?

– Возможно. – Рене облизала пересохшие губы. – Но мне надо домой.

– Зачем? С чего такая срочность? – воскликнула Энн, а потом вдруг осеклась и усмехнулась. – Это из-за него? Дело в мужчине, с которым ты торчала у входа?

– Нет.

– Значит, да, – отрезала подруга и вздохнула. – Что произошло?

– Ничего. – Рене снова накинута капюшон и взялась за дверную ручку. Вслед полетел стон и раздосадованный смешок.

– Что ему сказать, если явится?

– Он не явится.

– Уверена? – Медсестра бросила хмурый взгляд в сторону окон и вздохнула. – Туфельку хоть оставь, Золушка!

Но Рене лишь прикрыла за собой дверь.

Разумеется, никакой обуви или иных хрустальных элементов разбрасывать за собой она не собиралась. Наоборот, Рене бежала к зданию вокзала так быстро, что лёгкие едва не сгорели. Право слово, будет рождественским чудом, если в конце праздников она не подхватит банальную пневмонию. Рене всё же успела. Заскочив в едва не закрывшиеся перед носом двери последнего поезда до Монреаля, она прошла внутрь вагона и наконец-то смогла подключить умерший ещё днём телефон к здешней розетке. Тот почти мгновенно взорвался десятком пропущенных вызовов от взволнованной Энн, а потом коротко прожужжал двумя новым сообщениями.

*«Он явился».*

И

*«Жди, принцесса, мохнатый башмачок из бобра мчится к тебе!»*

## Глава 3



Когда Рене попала в квартиру, над Монреалем всюду разносились переливы колокольного звона. Они возвещали о празднике рождения Спасителя человечества, и было немного иронично, что другой борец за людские жизни прямо сейчас находился на грани того, чтобы издохнуть. Рене чувствовала себя плохо. Настолько, что перед глазами все расплывалось, словно летнее марево. Тело трясло, зубы стучали, а от напряжения то и дело накатывала дурнота. Скинув обувь случайно вместе с носками, Рене прямо в мокрой от снега куртке и босиком прошла в тёмную гостиную и легла на диван. Ноги сами подтянулись к груди, оголённые ступни поджались. Голова не понимала, что делало тело, которое мелко дрожало и периодически непроизвольно скручивалось от ломоты в мышцах.

Если честно, Рене понятия не имела, как сумела добраться до дома. Она помнила полутёмный вагон, восхитительно холодное стекло, к которому прижималась горячей щекой, мелькавшие фонари и редкую тряску. Её укачивало под ровное движение поезда, отчего сознание то и дело проваливалось в зыбкий сон. Воспалённые глаза закрывались сами, и тогда Рене вновь видела заснеженные улицы, чёрное дуло винтовки и матовый блеск алюминиевых банок, которые с грохотом падали вниз. А потом всё начиналось по новой: духота, расплывающийся по телу жар и истерически заходившееся сердце. Последние жаропонижающие Рене выпила ещё на вокзале, но, судя по всему, они не думали помогать. Поэтому в тишине тёмной гостиной ей мерещился голос Энтони: *«Я – это я»*.

И действительно... он. Всегда только он. Серьёзно, имелась ли какая-то разница, Энтони он или Колин? Вот лично для неё, Рене Роше, что значило конкретное имя? Ничего. И доктор Фюрст был прав. Рене поняла это настолько отчётливо, что мысленно простонала: «Идиотка!» Вряд ли у кого-нибудь получилось бы обидеть Тони сильнее, но Рене удалось. Она молча позволила ему уйти и не попыталась ни остановить, ни извиниться. Глупая малолетняя гордыня победила разум.

О, как хотелось перескочить всю эту пропасть взросления, медленного осознания и ошибок. Перемахнуть одним грациозным *grand pas de chat* и приземлиться уже умудрённой, спокойной и рассудительной. Но жизнь – не балет. И дорогу придётся пройти самой до конца.

Рене всхлипнула, плотнее завернулась в толстую куртку и зажмурилась. В черноте рождественской ночи жёлтый свет фонаря из единственного большого окна этой комнаты больно бил по сухим из-за температуры глазам. Боже, столько неверных поступков за один день: слушания, Тони и Энн. Ей предоставили так много возможностей доказать свою зрелость, но вместо этого Рене совершала ошибку за ошибкой. И одиночество на окраине Монреаля стало вполне закономерным итогом. Достойное наказание, ничего не сказать.

Однако в груди, где часто бухало сердце, вдруг проснулась горькая жалость к самой себе. Она была приправлена слабостью, болью и злостью, отчего на глаза навернулись непрошеные слёзы. Горячие и настолько солёные, что, кажется, разъедали обветренную кожу. Следовало встать и выпить таблетки. Переодеться, натянуть носки и домашний свитер, но вместо этого Рене ещё сильнее сжалась в комок, и редкие всхлипывания окончательно переросли в плач. Это было унижительно. И очень глупо. Она потёрла ледяные ступни и попробовала раздражённо оттолкнуться от продавленного дивана, но резко стало нехорошо, а потом под куртку забрался прохладный воздух.

Рене затрясло так сильно, что шарившие в поисках бегунка на молнии пальцы не слушались. Они беспцельно скребли по шуршавшей под ними ткани, и потому тихо открывшееся окно осталось незамеченным. Только когда деревянная рама стукнулась об упор, а по босым ногам скользнул морозный сквозняк, Рене испуганно замерла. Она застыла в неудобной позе, пока в полной тишине ошарашенно шарила взглядом по тёмной комнате, где вместо привычных вещей и мебели ей мгновенно померещились затаившиеся чужие тени. Но ничего не происходило, словно больному мозгу всё показалось, только в открытое окно медленно летел снег. Рене сглотнула. Она понятия не имела, что нужно делать, а потому с каким-то ощущением безысходности молча ждала продолжения.

Тревожное ожидание длилось добрых десять секунд. Наконец тихо хрустнуло жалюзи, и в образовавшийся проём ловко скользнула чёрная тень. Она изогнулась невероятной дугой, прежде чем бесшумно приземлилась на потрёпанный плетёный ковёр и успела подхватить уже летевшую с подоконника возмущённую герберу. Раздались приглушённая ругань и стук бережно возвращённого на место горшка. Затем вновь тишина. В отсутствие света рассыпанный по полу снег потусторонне мерцал и переливался на грубом плетении, словно к Рене пожаловал гость из самой преисподней. А тот тем временем угольным пятном выделялся на фоне бледно-серой стены. Ну точно настоящий чёрт.

Судорожно сглотнув, Рене попыталась сообразить: заорать или же будет мудрее подождать, пока домовник осознает, что здесь нечего брать, но мозг заклинило. Он не мог дать команду ни открыть рот, ни перестать лить слёзы. Хорошо хоть дыхание перехватило от ворвавшегося с улицы холода, и дурные всхлипы потонули где-то в животе. Однако послышался новый шорох, и всё в том же окне материализовался второй. Напарник? О господи! Рене дёрнулась, но тут...

– *Слышь, мужик, по-моему, ты ошибся домом,* – произнёс по-французски чуть гнусавый голос, а Рене едва не свалилась с дивана от облегчения. Прямо сейчас она почти уверовала в магию, ангелов и чудо Господне, потому что вслед за головой говорившего в проёме показались широкие плечи, а затем и пернатые косы Чуб-Чоба.

Тем временем незнакомец мазнул сажей тени по стене и повернулся. Чёрный. Совсем чёрный. Прямо как...

– Неужели? – с типично калифорнийской интонацией Энтони хмыкнула по-английски огромная головёшка, и Рене зажмурилась.

– *Ага. Иди воруй в другом месте, а здесь ничего не трогай.*

Чуб-Чоб оставался опасно невозмутим, но Энтони это не впечатлило. Он что-то поудобнее перехватил, а потом саркастично протянул:

– Вот как. А иначе что?

Рене медленно выдохнула.

– *Выбью зубы.*

У неё начался откровенный бред. Однозначно. Галлюцинации, сновидения воспалённого мозга, смешение языков, возможно, самая настоящая агония, потому что так не бывает. Нормальные люди не вламываются в окна, когда для них открыты двери, не ведут беседы посреди ночи и уж точно не пытаются договориться с потенциальным вором. По крайней мере, в голове Рене это выглядело именно так. Но когда она распахнула глаза, то увидела, как весьма материальный в лучах фонаря Ланг шагнул в сторону окна.

– Пошёл вон, – процедил он, прежде чем ухватиться за раму. Энтони собрался захлопнуть вертикальную створку, но Чуб-Чоб не дал этого сделать. Уперевшись спиной в верхний край, индеец потянулся вперёд и ввалился в тёмную гостиную. Послышались ругань, возня, а потом звук удара.

Решив, что на сегодня цирка достаточно, Рене осторожно приподнялась на слабых от дрожи руках. В гостиной становилось безумно холодно, так что зубы громко клацали, а сама она почти билась в конвульсиях, но всё равно постаралась чётко приказать:

– Прекратите.

Голос звучал негромко, но этого хватило, чтобы шум резко стих. С трудом скатившись с дивана, Рене неловкими шагами, почти наобум добралась до торшера, едва не сбив тот на пол, но вовремя ухватила за потёртое дерево и наконец дёрнула шнур. Резанувший по глазам свет показался острее скальпеля, которым наживую вскрыли глазные яблоки. Боже... Рене прижала к векам ледяную руку и опять неуклюже пошатнулась. И как эти двое здоровяков вообще сюда забрались?

– Закройте, пожалуйста, окно. Очень холодно, – прошептала она, а сама уже не чувствовала, как трясётся.

– Но этот тип... – попробовал возмутиться Чуб-Чоб, однако Рене перебила:

– Окно. Пожалуйста.

Челюсть окончательно свело, а пальцы чуть не переломили стойку торшера. Но ноги твёрдо стояли на земле. Благодарить ли натренированный за годы вестибулярный аппарат или на сегодня вселенной просто уже хватило её унижений, однако Рене лишь покачнулась. Сухой треск захлопнувшегося окна ознаменовал маленькую победу. А в следующий момент что-то холодное и мягкое ткнулось в левую руку, прежде чем тело потрясающе легко воспарило. Так беззаботно, что даже боль в истерзанных температурой мышцах на мгновение показалась не настолько убийственной. Лба коснулись сухие губы, а нос защекотал запах мяты – резкий и почему-то злой.

– Твою же мать.

Ланг, как всегда, демонстрировал удивительную краткость. Перехватив поудобнее свою вялую ношу, он в один километровый шаг добрался до дивана и небрежно уселся на невысокую спинку. Рене почувствовала, как сначала сжало туловище, а потом что-то приятно прохладное пролезло под ворот куртки и прижалось к шее.

– Где здесь аптечка? – раздался над головой недовольный голос Тони. Обращался он при этом не к хозяйке той самой пресловутой аптечки, а к ещё одному гостю. Но тот явно пребывал в растерянности.

– Мне неизвестно, – медленно ответил Чуб-Чоб на ломаном английском, и в груди Ланга что-то заклокотало.

– Весьма опрометчиво для человека, который забирается по деревьям в чужие дома, – процедил он, а Рене удивлённо вздохнула.



Это что... ревность? Она ошарашенно прислушалась к чужому сердцу у себя под щекой и едва не расхохоталась, когда уловила отчаянный, торопливый стук. О, Тони! Неужели он правда думал, что к ней – страшно сказать! – вот так запросто ходят любовники? Залезают в окно, карабкаются по деревьям... Абсурд! Но сердитый ритм не врал. Ланг мог сколько угодно корчить брезгливые выражения лица, плевать ядом или вымораживать всё вокруг презрительным холодом, однако теперь Рене знала о нём немного больше. А потому подняла руку и коснулась обветренной ладони, что до этого выискивала пульс, а теперь машинально гладила горячую шею. Пальцы Энтони двигались успокаивающе и деликатно, почти так же, как делала сама Рене в минуты его мигреней.

– Во втором кухонном ящике. Коробка из-под молочных ирисок, – пробормотала она и почувствовала в волосах тихое фырканье.

– А всё-таки у тебя есть тайный порок. И, кажется, не один.

– Я не... он не... – попробовала оправдаться Рене, но ещё один смешок вынудил замолчать.

– Допустим, – коротко ответил Ланг и отстранился. Вновь стало холодно, а потом голова едва не взорвалась от ледяного тона. – Принеси.

Рене хотела возмутиться такому обращению, но её тут же с силой прижали к тёплому телу, отчего говорить стало сложно. И только тогда она с удивлением поняла, что помимо собственной куртки укрыта полрой пальто. Странно. Либо она настолько мала, либо Тони носил самую настоящую плащ-палатку.

Тем временем послышались тяжёлые шаги, скрежет отодвигаемых ящиков, лязг крышки, и... наверное, увидев её аптечку, даже самые суровые вирусы повесились бы от жалости. Они пали бы жертвенной смертью во имя нового пенициллина, самого действенного антисептика или ещё неизданного лекарства, потому что в жестяной круглой банке, носившей гордое название аптечки, давно помер даже паук. И судя по многозначительному молчанию доктора Ланга, пачка пластыря вместе с двумя пожелтевшими от времени таблетками парацетамола его не впечатлили. Совсем.

– Да уж, арсенал настоящего врача. Позволь узнать... – он на секунду прервался, – зачем тебе целая коробка, если в ней ничего нет?

– Она красивая, – прошептала Рене, которая болела так редко, что уже позабыла, когда был последний раз. А Тони долго взвешивал на весах абсурда её слова, прежде чем коротко хмыкнуть:

– Достойный ответ.

Он быстро проверил срок годности желтоватых пилюль, потом сноровисто достал их из блистера и взглядом потребовал стакан воды. Следовало отдать должное: в маленькой квартирке незваные гости ориентировались почти как дома. Проглотив горькие таблетки, Рене устало ткнулась лбом в шерстяной свитер Тони. Ну а Ланг подумал ещё немного, после чего повернулся к терпеливо ждущему Чуб-Чобу. И хотя Рене понятия не имела, что творилось в пернатой голове огромного индейца с судимостью за разбой, но враждебности тот больше не проявлял. Просто стоял и невозмутимо ждал дальнейших приказов, а именно это лучше всего умел делать доктор Ланг.

Осторожно перехватив подрагивавшее тельце, он свободной рукой поставил себе на колено босые ступни и принялся шарить в кармане. Через пару секунд на свет появился уже знакомый бумажник, а оттуда внушительная пачка пёстрых банкнот.

– Найди ближайший круглосуточный магазин, возьми там упаковку любого жаропонижающего и пак Гаторейда. На сдачу можешь купить себе шоколадный батончик. На дворе как-никак Рождество.

Чуб-Чоб с сомнением уставился на протянутую ладонь с зажатыми в ней купюрами, но всё же осторожно забрал тихо зашелестевшие деньги. Бросив на Рене странный взгляд, он двинулся к окну, но Энтони его остановил.

– Через дверь, молодой человек.

– Но хозяин будет недоволен... – попробовал возразить невольный курьер, однако немедленно замолчал, стоило Лангу удивлённо повернуть голову.

– Я разберусь, если потребуется, – процедил он. И поскольку других аргументов у немного занудного индейца не нашлось, Рене вскоре услышала хлопок закрывшейся двери.

В квартире стало очень тихо. Не было слышно ни дыхания, ни шелеста одежды, не шумел холодильник, не текла по трубам вода, даже сердце в груди Тони теперь билось размеренно и словно издалека. Наконец, не выдержав гнетущего молчания, Рене рискнула пошевелиться. Она сжала замёрзшие пальцы на ногах, которые по-прежнему упирались в жёсткую джинсовую ткань на бедре Ланга, и раздался привычный хруст. Стало неловко. Ох уж эта воздушная красота балета!

Сквозь мелкую дрожь Рене стыдливо поёрзала и вдруг заметила, с каким интересом Энтони разглядывал её шишкообразные суставы и следы от старых мозолей. Чёрт, пусть бы лучше на висевшие акварели любовался! В животе вместе с тошнотой от температуры расклевалась досада. Прошло десять лет, а краше ноги не стали и вряд ли уже будут, так что Рене постаралась незаметно спрятать под полую пальто свои жилистые ступни. Однако Ланг не дал и неожиданно принялся растирать сначала одну холодную подошву, затем другую, а потом сразу обе. На удивление, в его руках они умещались полностью. Это донельзя смущало, так что Рене попробовала вырваться, но вместо этого Энтони обхватил ладонью лодыжки, чем жёстко пресёк любые проявления стыда.

– Рене, я травматолог и прекрасно знаю, как выглядят ноги балерин, фигуристок и цирковых гимнасток. Твоё стеснение неуместно, – отрезал он. Рене нечего было возразить, поэтому она послушно расслабилась и опустила голову, как вдруг заметила в своих руках уже знакомого бобра. Сжав мохнатую тушку, Рене вздрогнула, когда услышала внезапный вопрос. – И часто к тебе ходят в гости таким способом?

На первый взгляд, Тони бросил фразу очень небрежно, но Рене слишком хорошо знала этот едва ощутимый оттенок недовольства. Другие бы скрипели зубами, но Ланг лишь слегка растянул слово «часто», и всё стало ясно.

– Никогда. Они просто... волнуются за меня. После аварии. И иногда присматривают.

Рене по-прежнему трясло, а потому говорить выходило с трудом, и она замолчала. Энтони какое-то время ждал продолжения, но, заметив снова нарастающую дрожь, принялся растирать руки и плечи свернувшейся эмбрионом Рене.

– Кто «они»? – не отставал он.

– Что?

– Я спросил, кто это «они».

– Не ревнуй...

– Рене! – Теперь Энтони злился. – Это вопрос не моих страхов, а твоей безопасности!

«Страхов? Хм...»

Рене вздохнула.

– В большинстве своём бездомные. Я подрабатываю здесь. Недалеко. – Зубы звонко стукнулись друг о друга, а руки вокруг неё обернулись сильнее. – В центре реабилитации.

– Реабилитации? – Выдохнутое ей в волосы замешательство было поистине бесценно. – Чьей реабилитации? Заключённых?

– Да.

Воцарилась тишина, пока Энтони, вероятно, переваривал потрясающую новость, с кем именно он только что имел честь находиться в одной квартире. А потом последовал шумный выдох.

– Потрясающе! Нет, просто уму непостижимо! Неужели я настолько мало тебе плачу? – В его голосе проскользнули обиженные нотки, а Рене замялась. Вряд ли правда понравится Тони больше, чем молчание, но он не унимался. – Господи помилуй, ради чего тебе понадобилось так рисковать? Это даже не дом престарелых или приют. Чёрт возьми, Рене! Почему?!

– Мне были срочно нужны деньги. – Она попробовала sluкавить, но Энтони одарил её красноречивым взглядом. – На тесты.

Рене закусила губу и затаила дыхание, даже не представляя, какой ждать реакции. Но той не последовало ни сразу, ни пятью минутами позже. Только расслабленное под щекой тело внезапно напряглось, точно сведённое судорогой, а потом застыло. Без дыхания и без движения. Как будто где-то сработал переключатель. Вот Ланг вальяжно восседал на спинке неудобного дивана, а теперь выпрямился едва ли не до хруста в позвонках. Но больше ничего. Рене чувствовала, как он злился – чертовски и бессильно, – хотя никак не могла понять на кого. А Энтони всё молчал и молчал, порождая в голове целый ворох сокрушительных мыслей. Она опять сказала что-то не то? Или сделала?

Рене устало пошевелилась, почувствовав, как на смену ознобу пришла долгожданная слабость. Стало тепло. Почти жарко. И, видимо, это понял Энтони, потому что резко поднялся, обошёл злополучный диван и опустил на него Рене. Следом, всё так же не удостоив даже словечком, он стянул пальто и полностью закутал в него босые ноги, а сверху для верности накинул плед. Теперь Рене представляла собой самый настоящий кокон, из которого, возможно, кто-нибудь вылупится. В последний момент рядом с головой был демонстративно усажен рождественский бобёр.

«Серьёзно?!»

Однако брошенный на Тони сердитый взгляд обиженной девочки оказался не замечен, поскольку рядом уже никого не было. Ланг погромыхал чем-то на кухне, затем последовал плеск воды, а потом рядом обнаружилась огромная чашка.

– Пей. – Да уж, приказывать Энтони любил.

– Мне жарко.

– Ну разумеется тебе жарко! – выплюнул Ланг, который, очевидно, до сих пор на что-то сердился. Знать бы, на что. – Подделка лекарств в этой стране по-прежнему строго карается законом, так что они работают. Пей.

Уткнувшись в грудь кружка едва не расплескала содержимое, и Рене с трудом успела высвободить руки, чтобы её перехватить. Что же, для пересохшего рта вода ощущалась удивительно сладкой. Так что Рене пила с поразительным наслаждением, пока едва не подавилась, услышав над ухом негромкую фразу:

– Иногда я забываю, что моя ненависть разрушает не только меня.

Тони нехорошо усмехнулся, помедлил немного под её ошарашенным взглядом, а потом тяжело опустился на пол и вытянул длинные ноги. Рене чуть скосила глаза и посмотрела на его замершую фигуру. Голова Энтони теперь находилась точно напротив, отчего сдержаться не удалось. Неловко повернувшись в своём коконе на бок, Рене протянула руку и осторожно провела по густым волосам. Прохладным и мятым. Даже для неё жест вышел неожиданно домашним, таким привычным, родным, словно они знакомы десятки лет. Она перебирала жёсткие пряди, а сама с волнением понимала: Тони пришёл. К ней. После некрасивого разговора, взаимных обид и упрёков он всё равно приехал посреди ночи, чтобы... что? Неужели рассказать всё?

Рене нетерпеливо поёрзала на диване, чувствуя, как липнет к коже шерстяной свитер и неприятно покалывает отогревающиеся ноги. Температура стремительно спадала, но сейчас

это волновало меньше всего, потому что, облизнув пересохшие от недавней лихорадки губы, Рене решила спросить:

– Когда ты сменил имя?

Плечи под чёрным джемпером на мгновение напряглись, но тут же под давлением воли распрямились. Значит, она не ошиблась, и Тони действительно явился расставить последние точки. Воодушевлённая Рене ободряюще провела ладонью по твёрдым мышцам, придвинулась ближе и уткнулась холодным носом куда-то в район четвёртого шейного позвонка.

«Расскажи, – мысленно шепнула она. – Расскажи, и я помогу!»

Последовала пауза, а потом Энтони ответил:

– Перед армией. Пытался сбежать от собственной совести.

– Успешно?

– Вполне, но это не заслуга дурацких букв.

– Зачем же тогда? Оставил где-то беременную подружку и теперь прячешься? – хохотнула Рене, но тут же едва не задохнулась, когда встретила глазами с оглянувшимся Лангом. Он смотрел долго и безэмоционально, прежде чем растянул рот в жуткой улыбке.

– Затем, что я убил своего отца. И мечтаю разобрать собственную ДНК, лишь бы вытравить его и оттуда. Ещё вопросы?

Энтони с притворной угодливостью склонил голову, словно готов ответить на что угодно, но Рене лишь недоумённо моргнула.

«Что... убил кого?!»

Она испуганно дёрнулась в сторону. Энтони это заметил и улыбнулся.

– Знаешь, я думал, что пожалею. Ты, убив для своей защиты двоих и в панике исколов ножом труп третьего, до сих пор зачем-то переживаешь о смерти ублюдков, а у меня за всё время не возникло и мысли об этом. Я много раз представлял в голове, как именно мог бы запустить обратно сердце, какие наложил бы швы... Каким образом вообще собрал бы заново тот вонючий мешок из мяса и осколков костей. Ургентная хирургия тогда не была моим профилем, всего лишь желанием Чарльза дать мне как можно больше. Но и будучи тем ещё недоучкой, я бы смог. Зашил, скрепил, спас. Однако даже спустя десять лет в голове то и дело зудит отвратительный запах, которым в тот день провоняла вся операционная, и я понимаю: случись это снова, моё решение не изменится. Я убил бы снова. А значит, всё сделано правильно и раскаиваться не в чем.

Он замолчал, и в комнате повисла душная тишина. Рене боялась даже вздохнуть, и потому сидела не шевелясь, пока собственный напуганный мозг вдруг не застопорился. Он забуксовал один раз, второй, а потом зацепился за число. Десять. И руки нервно сжали колющий плед.

«Господи, Тони, какое жуткое совпадение!»

Упрямо поджав губы, Рене подползла ближе к витавшему в своих отравленных воспоминаниях Энтони и осторожно коснулась колючими обветренными губами впалой щеки. Уткнувшись кончиком носа в гладкую скулу, она тихо спросила:

– Почему?

– Какая теперь уже разница. Мертвецы, слава всему, не встают из могил, – хмыкнул Ланг и попытался отвернуться, но Рене горячими ладонями обхватила его лицо, вынудив посмотреть в глаза. А затем едва не расхохоталась от облегчения, увидев то, о чём только догадывалась. Тони не злился ни на неё, ни на кого-то ещё. Энтони Ланг ненавидел только себя самого.

– Расскажи. Расскажи, и я помогу!

– Я не дева в беде, чтобы меня спасать! Да и ты не психиатр...

– Тони! – Имя неожиданно прозвучало с таким нажимом, что Ланг осёкся. Он отвёл взгляд, а затем со вздохом покачал головой.

– Успокойся. Эта история не для твоих нежных ушей. Не стоит в этом мараться.

– И всё же?

Он мягко высвободился из её хватки. Рене же свесила ноги и решительно сползла на пол прямо в куче из одежды и одеяла. В руках немедленно оказалась чашка с водой, а рядом опять примостился косолапый бобёр.

– Ты ведь не отстанешь, верно?

– Нет.

– Зря, – досадливо взмахнул рукой Энтони. Он немного помолчал, машинально поправил скривившиеся зубы у завалившейся на бок игрушки и заговорил: – Я не знаю, когда всё началось. Наверное, так было всегда, но что-то понимать я стал только лет в десять. В тот год родители развелись, и мать уехала работать в Канаду. Как я потом догадался, просто сбежала. Она звала с собой, но я наотрез отказался. Кто же согласится променять солнечную Калифорнию на это унылое французское гнездо?

Ланг фыркнул и замолчал. Он перебирал синтетическую шерсть поразительно долго, прежде чем сердито уставился на застывшую Рене, подтолкнул к ней кружку с водой и продолжил:

– Через несколько дней после отъезда матери, я застал отца на какой-то шлюхе. Потом были ещё и ещё. Целая вереница девчонок, которые хотели получить собственный контракт в студии отца и были готовы на всё. Не скажу, что это оказалось шокирующее зрелище, но для десятилетнего пацана весьма... удручающее. – Энтони хмыкнул. – Тем более они не скрывались. Просто не видели в том нужды.

– Ты... ты прямо видел всё это? – Рене никогда не считала себя ханжой, но вряд ли взрослые оргии достойная пища для молодого ума. И психики.

– Ну мне же надо было как-то добраться до своей комнаты, – рассмеялся Энтони, отчего у Рене невольно дрогнула чашка в руках. Неестественный смех. Почти искусственный. – Через два года студия отца не выдержала конкуренции, и мы переехали на окраину Лос-Анджелеса, где можно в кратчайшие сроки найти любой источник для кайфа. И, чёрт возьми, выяснилось, что отец в этом настоящий мастер. Он цеплял едва ли совершеннолетних девчонок по клубам, убеждал их бог знает в чём, чтобы подsunуть наркоту, которой кишит каждая подобная дыра, а потом трахал их у нас дома.

– Господи...

– Я тогда почти не появлялся в этом сарае. В основном жил у Чарльза, иногда у друзей.

– Он знал?

– Не думаю. Отец был не самым простым человеком, мать с тех пор тоже не изменилась, Чарльз же всегда отдавался науке. Думаю, он просто считал, что идти мне больше некуда. И в общем-то, старый засранец был прав.

– Почему ты никому не сказал?

Тони поднял голову и прямо посмотрел ей в глаза.

– Я не знаю, – тихо произнёс он. – У меня до сих пор нет на это ответа. Возможно, я отрицал. Может быть, трусил. Но понимать последствия своего бездействия стал намного позже. Тогда мне не хотелось думать, что они были полностью невменяемы. Просто тела, с которыми можно вытворять, что хочешь. Отец этим пользовался...

– А ты? – Рене почувствовала, как свело горло, а Энтони вдруг замолчал. Он поджал губы, вырвал какую-то нить из ковра и отшвырнул прочь.

– Один раз. Или это следует считать за два? – наконец ответил он, а потом прикрыл глаза и слегка приподнял брови, словно спрашивал её мнения. Но Рене молчала, и тогда он продолжил: – Это был выпускной в старшей школе. Чарльз уехал на очередную конференцию, так что я вернулся домой пьяным и очень весёлым, когда они как раз танцевали на нашем журнальном столике. Подарок отца на окончание – две девчонки, которых я просто нагнул

и отымел по очереди, потому что мне показалось это забавным. Смешным. Никто из них не возражал, да и не смог бы. Думаю, они вообще не осознавали происходящее. Ну а на утро к нам заявили копы. Тогда же я понял, что проспал всю ночь рядом с трупом.

– Передозировка?

– Отец обычно проявлял осторожность, поэтому аспирация рвотных масс. Второй повезло больше.

Энтони замолчал, а Рене нервно ковыряла ногтем скол на опостылевшей чашке. Пить больше не хотелось. Наоборот. Казалось, её сейчас стошнит.

– Вас арестовали?

– Разумеется. У нас же имелся труп и полный дом наркоты!

– А дальше?

– Дальше были долгие разбирательства и допросы. Однако говорить, кроме правды, мне оказалось нечего, так что я быстро стал неинтересен. А потом пришла мать. Я не знаю, что она сказала или сделала, кому заплатила. В общем, вряд ли это получилось законно, но меня больше не трогали. По решению суда я отсидел полгода, после чего меня забрал Чарльз и ещё долго со мной не разговаривал. Однако с опозданием на два месяца он взял меня с собой в Хопкинс. Я не собирался становиться врачом, так просто случилось.

– А отец? – осторожно поинтересовалась Рене, боясь даже представить, насколько потерян был в тот момент Тони. На какое дно моральной ямы упал, прежде чем смог взять себя в руки. Сколько ему исполнилось на тот момент? Шестнадцать? Семнадцать?

– Как в классическом вестерне. Десять доказанных случаев изнасилования, две передозировки, один анафилактический шок от неизвестных примесей. Ранен при попытке побега во время транспортировки из одной тюрьмы в другую. Умер от обширной кровопотери и полиорганной недостаточности шестого декабря в половину второго ночи. Донорская карта подписана ближайшим родственником. Реанимационные мероприятия не проводились по причине полной убудочности пациента и бесчеловечности его дежурного хирурга.

*«Если однажды на стол перед тобой попадёт дорогой для тебя человек, ты должна забыть его»,* – вспомнила Рене.

«О, Тони!»

– Ты не бесчеловечный!

– Да ну? Решили поиграть в двойные стандарты, доктор Роше? Или забыли клятву, которую давали? А может, в медицинских школах Канады проигнорировали Женевскую декларацию?

Ланг наигранно вскинул брови, и она отвернулась. Возражений в голове вертелась целая сотня, но в чём смысл, если Тони не желал ни слушать, ни слышать? Рене тряхнула головой, а потом поднялась на ноги, чувствуя, как по спине стекают капли пота.

– Мне нужно в душ, – пробормотала она и под непонимающим взглядом побрела в сторону приоткрытой двери. Вряд ли Энтони ждал чего-то подобного, но ей требовалось время.

На ходу она повесила на вешалку тяжёлое мужское пальто, полностью влажная куртка отправилась в корзину с грязным бельем, ну а мокрый шерстяной свитер оказался с наслаждением стянут ещё до того, как закрылась дверь в ванную. Теперь он жёлтым пятном валялся на кафельной плитке, и всегда аккуратной Рене было на это плевать. Она впервые хотела что-нибудь пнуть или разбить, поскольку ругань уже не помогала, но вместо этого уселась на холодный бортик обшарпанной ванной и вытянула нившие от затаившейся температуры ноги.

На самом деле, собственная чистота и комфорт волновали гораздо меньше, чем необходимость остаться наедине с мыслями. К такой правде Рене оказалась не готова. Мозг пребывал в печальной апатии и вяло выдавал факт за фактом, пока она мыла голову. Безусловно, Тони нарушил все врачебные принципы. Но он был человеком, на на чью совесть повесили тонну вины и ответственности, которой он не заслужил. Его пытались назвать убийцей, но при этом

Тони спас больше жизней, чем прожил на свете дней. Он загадка для этики, у которой нет и не будет ответа. Впрочем, Ланг в нём и не нуждался. Наоборот, день за днём усугублял сложность своей ситуации и культ вины, продолжив заниматься саморазрушением.

На этой мысли Рене замерла, осознав, что хорошо знакома с подобным чувством. Бесконечный поиск причины, чтобы считать себя виноватым, когда знаешь, что сделал бы это снова. Поднял нож, опустил скальпель, отступил или сбежал. О, уж она-то прекрасно понимала, какие именно сны видел по ночам доктор Ланг. Отчего просыпался с желанием разmozжить свою голову, лишь бы больше не думать. И теперь ясно, почему Энтони брал самые сложные случаи. Но, право слово, тысяча чужих жизней не вернёт обратно убитого тобою или умершего за тебя. Что же, Рене действительно не психиатр. Только вот они с Тони оказались слишком похожи...

– Ох, глупый... мой глупый гений.

Из ванной она вылетела через несколько минут, на ходу завязывая пушистый халат, однако Ланга в гостиной не обнаружила. Он нашёлся на кухне, по локоть в невесть откуда раздобытой муке и рядом со скворчащей на плите сковородкой. На соседней конфорке грелась кастрюля с чем-то неведомым, на маленьком столике среди грязной посуды лежал распотрошённый пакет из аптеки. По дому разносился аромат корицы и сахара.

– Ты голодна? – как ни в чём не бывало спросил Тони. Ловко перевернув на сковороде кусок сладко пахнущей еды, он бросил взгляд в сторону замершей на пороге Рене. Как будто ничего не случилось, ни двух разговоров, ни откровений. Похоже, когда доктора Ланга не накрывал душный сплин, он вполне хорошо жил на своём кладбище.

– Да... я... что это?

В желудке Рене предательски заурчали остатки полуденного злакового батончика. Однако вместо ответа Энтони уверенно открыл холодильник, окинул тот скептическим взглядом и выудил из дверцы два пятнистых банана.

– Эй! Ты жарить тараканьи лапки? Или паучьи головы? Потому что больше у меня ничего нет. Я не планировала так скоро возвращаться...

– Хвост бобра.

– Что?

Она растерянно моргнула и невольно оглянулась в сторону гостиной, где осталась игрушка.

– Я жарю тебе «хвост бобра», – совершенно невозмутимо произнёс Ланг.

«Действительно, бобёр – дело серьёзное».

И тут Рене не выдержала. Громко расхохоталась, а потом подлетела к Тони и обняла за шею, притягивая для поцелуя. И её не волновало, что рядом брызгало горячее масло. Что не ожидавший такого Ланг покачнулся, и они оба едва не обожглись о раскалённую конфорку. Что испачканные в муке руки теперь всю марали её мокрые волосы, за которые цеплялись то часами, то пальцами. Что губы обкусаны и обветрены, а щетина на лице Тони больно царапала тонкую кожу на шраме. Что полы наброшенного на голое тело халата вот-вот разойдутся. И что их могут услышать. Рене просто целовала любимого человека и наконец-то ни в чём не сомневалась, потому что все тайны этого вечера оказались вдруг неважны. То, к чему она так стремилась, наполовину обесценилось, и ничего не изменило ни в её душе, ни в отношении к Энтони. И когда дыхание окончательно сбилось, а с плиты потянуло горелым, Рене обняла стремительно повернувшегося к сковороде мужчину и с улыбкой прижалась к тёплой спине.

– Это профессор Хэмилтон тебя так назвал? – тихо поинтересовалась она.

– Что? – Теперь пришла очередь Энтони растерянно хмуриться. Он замер с ножом в руке и почти нарезанными на тарелке бананами.

– Бесчеловечным. Его любимое слово... – Рене прижалась губами куда-то под лопатку и почувствовала, как вновь напряглись под свитером мышцы. – Ваша ссора не могла состояться на пустом месте. Ты ведь бежал не только от совести, но и от того разговора, верно? И авария...

я знаю, профессор часто становился рассеянным, когда его что-то сильно расстраивало. Что он тебе сказал? Чем так обидел, какие привёл...

– Пытался вызвать в моей душе чувство вины, – коротко отрезал Ланг и, возможно, излишне резко вывалил на тарелку две плоских лепешки, которые и правда напоминали знаменитый хвост. – Утверждал, что моя «жажда справедливости» весьма «инфантильна, опасна и неконструктивна». И если всё настолько плохо, то мне место на кушетке у психиатра, а не в операционной. В общем, проклял тот день, когда возложил на меня большие надежды, ведь лучший ученик оказался недостоин уделённого внимания. После слушаний он велел мне убираться, что я и сделал.

Тони хмыкнул, а Рене изо всех сил зажмурилась и стиснула в руках тонкий вязаный джемпер, отчего ткань обиженно затрещала. И в этот момент перед глазами, словно наяву, возникла та давнишняя ссора. В ушах зазвенели никогда не слышанные обвинения, а потом мир закрутился чередой мокрой дороги и талого снега. Рене не видела той аварии даже на фото, но теперь чувствовала боль в вывернутых кистях, слышала эхо скрежещущего металла и грохот взорвавшихся подушек безопасности. А ещё ощущала безмерное одиночество и полную неизвестность. И захлебнувшись всем этим сразу, она рванула прочь из чужих воспоминаний, а может, собственных галлюцинаций, вызванных наверняка вновь поднимающейся температурой.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.